

12+

Хайдар Байзаков

ЗАСТОЛЪЕ С ВИЗИРЯМИ

Хайдар Маратович Байзаков

Застолье с визирями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67750304

SelfPub; 2022

Аннотация

Январь 2022 года в Казахстане. Семья, попавшая в жернова Истории. Это история о маяках для заблудившихся во мраке и пучине времени. О потерях и обретениях. О боли и искуплении. О мучительности выбора и последующем чувстве вины. Нас возвращают в собственное прошлое, ради возможности еще раз увидеть своих любимых. Сказать им: «простите и прощайте». А затем шагнуть в чистилище, дабы после него обрести вымученную свободу.

Хайдар Байзаков

Застолье с визирями

*Люди поколение за поколением
пересказывают всего лишь две истории:
о сбившемся с пути корабле,
кружащем по Средиземноморью
в поисках долгожданного острова,
и о Боге, распятом на Голгофе.*

"Евангелие от Афрания" – Еськов К.Ю.

Пролог

Вглядывался он в родное лицо, искаженное гримасой душевной боли, и смутный силуэт расплывался в слезящихся глазах.

Необычно пустой вокзал южной столицы с испуганными немногочисленными пассажирами не был похож на прежний, с его призывными звуками, с маленькими трагедиями и фарсами, разворачивающимися на перронах. Притихший, серый январским днем, он теперь служил точкой невозврата, когда невозможно уже двигаться дальше, а нужно разворачиваться и бежать, бежать обратно до спасительного места,

пока есть топливо в запасе.

Провожал мужчина взглядом через грязное стекло вагона сторбленную от застывшего напряжения, спешащую к выходу, фигурку родного человечка. Вот он неуклюже запрыгнул на перрон и как когда в детстве, беспокоясь о нём, произвольно, но теперь уже в мыслях уезжающий воскликнул: «Осторожно».

Снова и снова проживал он этот проклятый день. Мучился невозможным отмотать время назад, изменить события и вернуть покой всем.

Глава 1 – Перед Новым годом

– Я кушать хочу, – поцеловав маму сзади в щечку, попросил капризно Дулат.

– Подожди чуть-чуть, сейчас твой старший брат едет, все вместе и сядем, – радостная пожилая женщина ласково взглядом проводила рослую фигуру младшего сына, все-го-таки успевшего оторвать жирный кусок мяса и теперь с удовольствием его уплетавшего с баурсаком.

Отмывая руки, белые от муки, она сама себе улыбалась, довольная жизнью, тем что вошла в зрелый возраст с высоко поднятой головой, достойная. Никто не мог ее упрекнуть в чем-то бесчестном.

Мухлиса, сохранившая прямую осанку, гордилась собой,

тем, как она проходит свой жизненный путь. Оставшись после смерти мужа одна с двумя малолетними детьми, она не отчаялась. Не стала искать буксир в виде второго мужа, а самостоятельно, делая маленькие, но постоянные шаги, выстраивала свое счастливое будущее. Подняла детей, дала обоим высшее образование, женила старшего сына.

На склоне лет пришло к ней понимание, что счастье – это результат своих усилий, напряжение сил и что покой можно заслужить только своим трудом.

Дулат, захватив еду, прошел в комнату, их детской с братом Болатом. Все так же там и осталось с момента покидания родительского дома. Так же две кровати с тумбочками по противоположным стенам, одним общим коричневым шкафом и большим письменным столом на двоих у окна. Каждый раз приезжая, сыновья предлагали поменять интерьер, отдать их комнату под другое назначение. Не понимали они еще своим малым опытом, что детство – тот островок, на который периодически надо возвращаться. И хорошо бы по прибытию радостно и с некоторым ожиданием чуда приступить за исцарапанный и скрипящий старый стол, за которым учился читать и писал первые любовные послания.

Поэтому мама была упряма, оставляла все, как есть, и только новые предметы родительской гордости за сыновей, появлялись в комнате. По-прежнему висели грамоты со школы, попеременно с наградами с соревнований. Множество фо-

тографий в рамках за стеклом.

Два насупленных мальчика в шортиках серьезно смотрят на мир. Только с возрастом, входя в силу, они открыто и смело улыбались на камеру.

Взгляд с удовольствием задерживался на фотографиях, отмечая жизненный путь. Вот парень в стенах института, мужчина в кабинете крупной компании, в командировках по регионам и за границей. Память ласково вернула в то время, когда он молодым устроился на работу в престижную организацию и теперь он, уже взрослый, улыбаясь и с иронией к самому себе юному, вспомнил, как смог попасть на работу в столицу.

Дулат, еще зеленый специалист нефтяной отрасли, считал себя достойным высшей доли. И ничего, что он производил впечатление, на первый взгляд, простоватого и робкого парня. Он потому то и поступил на нефтяной факультет института, потому что видел себя только богатым человеком. Богатство помогло бы выйти их семье из замкнутого круга нужды, бережливости.

Но реальность была далека от иллюзий. После выпуска с высшего заведения трудился он в мелких проектных институтах, иногда уходил на производство нефти в промышленные компании среднего, а то и низшего дивизиона. И везде его использовали только на вторых ролях, поручая скучную

и бесперспективную работу. И из этих серых рутинных ям не было видно проблесков карьерных маяков. Уже второй год он трудился в Атырау, в проектно-институте, мечтая попасть на работу в нефтяную компанию «Тенгизшевройл», либо на Северо-Каспийский проект. Но самым верхом мечтаний для него был офис национальной компаний «КазМунайГаз». Загадочным местом, где все сотрудники разъезжают только на престижных машинах, пользуются уважением в обществе и довольны своим статусом.

Для достижения своей мечты он пытался руководствоваться правилом, рассказанным довольным старшим братом, уже успешно двигающимся на государственной службе: «зачем карабкаться по обшарпанной, скользкой карьерной лестнице, когда можно сесть в лифт с нужными людьми и взобраться на самый верх». Вот что запомнил Дулат и старался не уходить от этой заповеди. Бывая в Астане и заходя в столичные конторы, он всегда старался угостить привезенными гостинцами всех, кто, по его мнению, мог состоять в партии лифтеров. «Главное – примелькаться», – говорил себе молодой специалист. И тогда его заметят, оценят, выдвигнут. И не подведет он оказавших ему доверие.

Приехав в отпуск, как обычно, в Астану, и остановившись в недорогом хостеле, Дулат приступил к регулярному своему ритуалу, который проводил уже второй год подряд. Он обхо-

дил все величественные здания с офисами, в которых располагались гиганты нефтегазового сектора и оставлял там свои резюме. Параллельно заходил на их сайты, где висели вакансии и безответно дублировал который раз подряд свои запросы на соискание должности.

«Астана не резиновая», – где-то слышал эти слова Дулат.

В прошлый свой приезд он познакомился с сотрудником нацкомпании. Когда на работе объявлял, что едет в отпуск в Астану, то заместитель директора департамента попросил передать через Дулата для далекого родственника по имени Берик, проживающего в столице и работающего в нацкомпании, небольшой гостинец.

Так Дулат впервые попал в центральный офис «КазМунайГаза», и тогда-то его мечта обрела четкие формы. Мечта – работать в этих стенах смелого архитектурного проекта, дышать одним воздухом с этими прекрасными людьми. Так восхищенно он думал, по крайней мере. На улице задирая голову, стоя неподвижно посреди спешащей толпы людей и не обращая внимания на толкания, он смотрел далеко вверх, загадывая себе, что будет работать на самом верхнем этаже этого небоскреба.

И в этот приезд он прихватив гостинцы уже от себя, снова очутился в стеклянно-металлическом царстве успеха, больших денег и возможностей. Достав из объемного рюкзака увесистый кусок атырауского копченного балыка, связку сушеных вобл и большой круг казы, он все это осторожно по-

ставил на стол Берика, рядового сотрудника могущественной корпорации. Оба они, столичный Берик и провинциальный Дулат, были почти ровесниками. Но большая пропасть лежала между ними. Берик, делящий просторный кабинет – помещение «open space» с такими же молодыми людьми, брезгливо отодвинул конскую колбасу, но с восхищением взял увесистый кусок красной рыбы.

– Так что ты хотел, Дула? – покровительственно спросил Берик, сам размышляя уже, как использовать такой дорогой деликатес. Произвести впечатление на друзей, хвастливо приукрашивая, что прислали с Атырау или отправить в подарок кому-то из вышестоящих, бережно упаковав в соответствующую упаковку?

– Баке, на сайте вашей компании уже несколько недель висят вакансии. Я туда отправил свое резюме. Но ответа нет, – печально отвечал ходок, одновременно оглядывая стильно одетых по корпоративному дресс-коду девушек, звонко стучащих каблучками по дорожному полу.

– Не могли бы Вы мне помочь? – доставая из видавшего всего рюкзака листки с резюме, продолжал он, – отдайте на рассмотрение наверх.

Весь облик провинциала, начиная с простой одежды и заканчивая бесхитростным лицом, был не к месту ядра внутрикорпоративных войн, служебных и личных интриг.

Заранее вздыхая, Берик на компьютере открыл корпора-

тивную страницу компании, где имелась отдельная вкладка с вакантными позициями.

– Да это блок Маке, – облегченно выдохнул сотрудник, когда увидел первую же информацию.

Дулату оставалось только молча также исторгнуть воздух, не зная еще, радостная или грустная эта новость для него самого.

– Маке, управляющий директор по производству. Всю жизнь на месторождениях провел. Его недавно только перевели с Атырау в головной офис, – облагодетельствовал сотрудник корпорации внутренней информацией.

– Я работал на производстве несколько месяцев, на буровой, – радостно сообщил Дулат.

– Да погоди ты, – поморщился Берик, – говорят, что он своих приведет, с Атырау. Многие к нему хотели. У него бонусы получше, чем в других блоках. Но всех он отшивает. Крутой мужик.

– Что, совсем никак? – потерянно, как раненный боец, которому сообщили, что вместо лечения ему будут ампутировать поврежденную конечность, спросил Дулат.

– Никак. Нас, офисных сотрудников, вообще не любит. Называет «паркетными нефтяниками», – жаловался недовольный своим статусом сотрудник могущественной нефтяной компании.

– О как.

– И вообще какой-то грубый, неотесанный он. Его, наверное, скоро уберут обратно. Не ко двору пришелся, мне так кажется. Матерится к месту и не к месту. На совещаниях прямо говорит, что думает. А тут столица, тут политика. Тонкие материи. Тоньше, чем хоботок комара. Тут нужно уметь чувствовать и правильно ориентироваться, – тихо разъяснял свои правила жизни модный житель столицы, озираясь по сторонам.

– Да уж, – поддакивал грустно Дулат.

– У него любимая присказка «опираться можно только на то, что сопротивляется». Ему постоянно нужен конфликт. Когда он ругается, не любит, когда в ответ молчат. Типа, если ты настоящий мужик, то тебе всегда есть чем ответить. Словом, кулаком и так далее.

– Вот смотри! – ткнул пальцем Берик на большой лист бумаги на офисной панели, где была указана организационная структура центрального аппарата с указанием должностей и контактной информации.

– Вот где я, – показал сотрудник на самый нижний край листа, – а вот где он, – рука поднялась почти вертикально вверх.

– Но и я буду там же. И я буду идти по головам и хруст черепов не будет смущать меня, а будет звучать победным маршем моего триумфа, – смелый в мечтах, но нерешительный в поступках, шептал столичный карьерист.

– Так что ступай обратно, Дула, в свой городок. Извини,

генацвале, лет через пять! Помогу! А за гостинцы спасибо. Большое спасибо! – смеясь, и довольный, что так легко ему достались подарки и не нужно ничего взамен делать, попытался проводить мелкий хам незваного гостя.

– Баке, можете водички принести, а? – жалобно попросил Дулат, – а я пока тут посижу, перенервничал, устал.

– Водички у нас хоть залейся. Но нефти у нас еще больше, – довольный своей шуткой вышел в кофе-рум посетитель столичных стендап-шоу.

Как только Дулат остался один, он тут же сфотографировал на свой телефон организационную структуру именно в самом верху, с контактами председателя правления и его заместителей.

Еще он по своей хозяйственной натуре хотел запихнуть обратно в рюкзак балык, с мыслью: «Раз он здесь не пригодился, то пригодится в другом месте». Но Берик уже вернулся с бутылкой воды и стало неловко.

Устроившись в одной из бесконечных кофеен на центральной улице с бесплатным Wi-Fi за ноутбуком, купленном в кредит, единственной имеющейся дорогой вещью, Дулат продолжил свой путь к Мечте. На белом экране ярко выделялись следующие слова:

«Ассаламалейкум, уважаемый Make! Пишет Вам Дулат...»

До этого момента он рассылал свои резюме только на корпоративные электронные адреса, связанные с отделом кадров, набором сотрудников. А вот сейчас решил отправить резюме вместе с сопроводителькой прямо Маке, главному по производству. Он стал описывать свою трудовую биографию, нелегкую, как считал он. Указал, что работал на буровой. И в проектной институте, где занимался подсчетом дебита нефти в буровых скважинах. Также упомянул, что все руководители о нем хорошо отзываются.

Отправив сообщение, он вернулся в хостел, где быстро заснул.

Ранний столичный звонок разбудил Дулата, привыкшего к своему провинциальному времени. На экране был неизвестный номер с кодом города Астаны.

– Каримов Дулат Серикович? – строгий и одновременно встревоженный женский голос пробуждал мысли о школе.

– Да, это я, – резко принимая вертикальное положение, впервые слышал такое обращение Дулат.

– Очень приятно! Я, Сауле Бахытовна, руководитель службы кадров национальной компании КазМунайГаз. Маке, управляющий директор по производству, направил нам Ваше резюме, – в ее голосе четко угадывалась корпоративная дисциплина, субординация. Более внимательный слушатель смог бы разобрать в ее голосе обеспокоенность, удивление.

Она получила ранним утром от производственника краткое резюме соискателя с решительной резолюцией: «Рассмотреть! Пригласить на собеседование».

Кто этот Дулат, почему к нему внимание от самого управляющего директора? Эта новость уже бродила по департаментам, порождая самые немыслимые слухи и догадки. Его фамилия мало что говорила, знаменитых родственников не наблюдалось. От внебрачного сына высокопоставленного чиновника до внедренного сотрудника спецслужб проделал жизненный путь соискатель на вакантную должность, сам не подозревая об этом.

Маке было неуютно в столице. После выпуска из знаменитой «керосинки», института имени Губкина, он сразу же уехал в Сибирь, за «черным золотом». Когда Казахстан объявил о своей независимости, то молодой еще Маке вернулся в родные края, на местные месторождения, также добывать нефть. Где и провел всю свою сознательную профессиональную жизнь.

И теперь он скучал по необъятным степным просторам, по постоянному гулу нефтяного производства, по утреннему запаху полыни. Тесно и тоскливо ему было среди безмолвных и одноликих, как ему казалось, небоскребов. В кратких документах, оставленных на согласование и утверждение, он мысленно видел нефтяные проекты с мощными установками, задвижками, клапанами, которые были знакомы ему до винтика. Шумные толпы людей с загоревшими дочерна ли-

цами в спецовках и касках миражами проходили у него перед глазами у карты Казахстана, с отмеченной на ней месторождениями.

Люди в столице для него казались пугливыми, закрытыми. И алкоголь здесь не приносил таких удовольствий, как там, потому что выпить и поговорить было не с кем. Он, как Диоген, который ходил днем с зажжённым факелом, искал человека.

Робкое по обращению и скудное по содержанию письмо, которое он получил, было смело по самому факту, что отправитель, перепрыгивая через все ступени принятия решения, решил отправить свое резюме в конечную утверждающую инстанцию. Так поступают либо идеалисты, либо отчаянные люди. В нефтяной отрасли и те, и те оставляют хороший след. Маке захотел встретиться с отправителем, помня о том, что главное в любой профессии – это сам человек по его природе, его характер и взгляд на жизнь. А научить ремеслу можно любого.

Дулат, сидя в просторном кабинете напротив грозного Маке, вел себя не по столичному, как он думал сам. Постоянно ерзал, вертел головой, осматривая стены и вид за окном и вообще вел себя не серьезно. Но ничего не мог поделать, никак не совладал со своей робостью, впервые оказавшись в величественном кабинете под крышей высокого небоскреба.

– А скажи-ка мне, дорогой Дулат, почему это в резюме за такой короткий срок у тебя столько смен работ расписано? Где-то полгода, где-то вообще три месяца? Почему нигде не задерживаешься? – громкий голос, выработанный за годы шумного производства, заставлял прижиматься вопрошаемого.

Кто хочет стать миллионером? Четыре варианта ответа: а) потому что зарплата не устраивала; б) потому что скучно стало; в) потому что начальник дурак; г) потому что есть Мечта.

Бедный Дулат. Мысли лихорадочно летали в голове, но нужных не находилось. От этого бросало в пот, сдавливало горло.

– Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше, – сипло озвучил визитер пришедшую в голову спасительную фразу. Он неожиданно сам себе понравился после такого предложения. Показался себе эрудированным, опытным, зрелым мужчиной. Поэтому спина понемногу стала выправляться, плечи раскрываться и грудь потихоньку наливалась объемом.

Брови Маке резко взлетели вверх. Этой фразой мальчишка напомнил «бегунков», которые не выдерживали тяжелых условий труда в суровой степи с ее летними круглосуточными комарами, крепкой зимней вьюгой. Производственник не любил конъюнктурщиков.

– Самый умный что ли? – закипая, начал заводиться резкий и быстрый на решения, как и все нефтяники, Маке.

– Я? Нет, – испуганно еле прошептал парнишка, вжимаясь в стул.

– А знаешь, почему у тебя опыт работы на местах по несколько месяцев!? – не слушая посетителя, уже кричал хозяин кабинета. В большом кабинете крик усиливался эхом.

– Почему? – шептал бедный Дулат на грани потери сознания.

– Потому что ты там на хрен никому не нужен был! Тебя, придурка, держать не незачем там было! И мне такой тоже не нужен! Пошел вон! – встал Маке во весь свой огромный рост и уперевшись могучими руками в стол, напомнил разбушевавшегося кабана.

И тут память неожиданно и полностью покинула Дулата. Дальнейшее он ничего не помнил. Не помнил, как оказался в приемной. Как испуганная секретарь, слышавшая все, отвела бледного паренька в уборную и оставила его там одного.

Очнулся он только перед зеркалом над умывальником в туалете. Весь мокрый, плескал прохладную воду себе на лицо, постепенно приходя в себя. В зеркале отражался растрепанный и потерянный, похожий на побитого щенка, с ярко блестящими глазами, отправитель письма.

– Сам пошел! – твякнул отражению он в замкнутом пространстве.

Звонок следующим днем от Сауле Бахытовны с предложением приступить к работе в головном офисе флагмана неф-

тяной индустрии в самое ближайшее время был громом среди ясного неба.

Однажды Дулат в совместной командировке, осмелев от выпитого, спросил Маке: «Почему Вы меня взяли на работу»? Главный производственник, расслабленный после хорошего стола, произнес давно заготовленный ответ: «За наглость, Дулат, за наглость».

Иногда Дулату снится один и тот же сон. Как он вставая, опрокидывает стул, и тихо, но внятно произносит грозному хозяину кабинета: «Сам пошел...». И не может разобраться он, было ли такое с ним наяву, или только во сне он послал знаменитого сурового управляющего директора по производству

Болат, мягко ступая, как барс, сзади подошел к своей супруге и нежно обнял ее.

– Отстань, Болат. У меня нет настроения, – устало попыталась освободиться от сильных рук мужа стройная женщина. Всегда красивое и светящее лицо в этот раз выражало недовольство. Капризно поджатые губы, набухшие веки после слез никак не совпадали с постоянным образом яркой и счастливой молодой женщины, который привыкли видеть ее многочисленные подписчики Инстаграма и других социаль-

ных сетей. Ботагоз, начальник одного из отделов в местном филиале банка, запланировавшая новогодний отдых только вдвоем с мужем в Стамбуле, вынуждена была остаться для сдачи годового отчета, потому что почти весь отдел заболел ковидом.

– Это они специально, – плача, жаловалась она мужу, когда ее озадачили отказом, – потому что мы не местные. Они меня не любят.

– Успеем еще отдохнуть вдвоем, жаным, – утешал ее Болат.

– Я же предупреждала их и согласие получила. Это они так мелко мне мстят. Потому что я заняла место, на которое другой человек претендовал, – все никак не успокаивалась Ботагоз.

– Это ты сама себе накручиваешь.

Хотя это было правдой. Болат, последние несколько лет состоящий в команде и близком круге влиятельного человека, недавно вслед за своим патроном перевелся в одну из южных областей, заняв должность начальника управления. При перемещении его окрылили надеждой, что это временная должность для такого грамотного чиновника и верного человека, каким является Болат в их системе координат. И что он доказал, что достоин большего, поэтому в следующем году его ждет повышение. Нужно будет только избавиться от

людей из старой команды в области, но на это уйдет немного времени.

«Мне не нужны честные люди, мне нужны преданные люди». Болат помнил это выражение, с которым однажды поделился начальник в первый год его службы в команде.

Ботагоз же соглашалась переехать из комфортной столицы в провинцию только при условии ее трудоустройства. В противном случае она с детьми остается в главном городе страны на прежней работе, а Болату придется на выходные летать, чтобы видеться с семьей.

«Вначале ты работаешь на государство, потом уже государство работает на тебя». За годы службы Болат убедился в правоте этого убеждения успешных чиновников. Несколько телефонных звонков и супруга государственного служащего в кратчайшие сроки была принята на работу на равноценную должность в регионе, что занимала и в столице. И пусть тем самым была нарушена уже определенная внутренняя договоренность в местной системе карьерных перестановок финансового учреждения, никого это по большому счету не волновало. Лишь некоторые ответственные работники многозначительно разводили руками и показывали глазами на потолок, отвечая на немые вопросы.

Но отношения в коллективе для Ботагоз не складывались.

– Как быть с Турцией? Билеты не возвратные, путевка на новый год уже оплачена, – продолжала жаловаться жена.

– Жалко, конечно. Но что поделаешь? – не находил ответа муж.

Звонок в дверь прервал семейную сцену.

«Дети что ли уже вернулись»? – думал Болат, проходя через длинный коридор. Младшие во дворе игрались, лепя снеговика. Старшая дочь была на дне рождения у одноклассницы, который праздновался в торгово-развлекательном центре, единственном в городе.

Взглянув в глазок и никого не увидев, Болат чуть приоткрыл дверь. На него снизу вверх радостно и торжественно сияла всеми передними золотыми зубами незнакомая бабушка. Не дав ей сказать ни слова, Болат раздраженно закрыл дверь, подумав про себя: «Попрошайка». Но стук продолжился и даже дверную ручку с той стороны крутили, пытаясь открыть. Возмущенный такой наглостью Болат резко открыл дверь и вышел из квартиры, чтобы отвадить назойливую посетительницу. Представшая перед ним картина немного охладила его пыл.

В просторном холле стояла толпа незнакомых бабушек и молодых женщин, позади них скромно находилось несколько мужчин. Болат, обладавший оперативным мышлением, про себя подумал: «человек пятнадцать, наверное, в очереди на жилье стоят, в руках бумаг нет и телефонов тоже – значит, на видео снимать не будут». Он, прошедший тяжелую школу переговоров, знал, что победить можно, только играя

по своим правилам, а не навязанным и, желательно, на своем поле. Поэтому еще раз грозно и внимательно оглядев толпу, отмечая про себя, судя по их одежде, невысокий социальный статус ходоков, и то, что они приезжие с районов, зычно огласил, озадачивая их: «Говорите по-русски». Толпа, переглянувшись между собой, была удивлена такой постановкой вопроса. Наконец, та сама золотозубая бабушка, не прекращавшая ни на минуту радостно улыбаться, коверкая слова и с ужасным акцентом торжественно объявила: «Мы украли твою дочь, свадьба будет».

Сердце тяжелым булыжником громынуло вниз на дно желудка, больно отдавая по внезапно ослабевшим, почти ватным ногам.

Как украли?! Мою дочку?! Ей всего пятнадцать!

При этих мыслях слезы брызнули из глаз отца. Оглядывая теперь сквозь пелену зыбкую толпу, он обратил внимание на парня, который радостно и смущенно улыбался, глядя на него. «Хана тебе», – то ли только подумал, то ли вслух сказал Болат и зло прищуривая глаза, сделал шаг к нему. Бабушки и женщины, давно распределившие роли для себя и имевшие опыт в подобных сценах, тут же с воплями бросились под ноги мужчины, цепко охватывая его, не давая сделать и шага. Несколько женщин повисли на плечах и руках, обездвиживая его.

Болат, вначале удивленно оглядывая женщин, гроздьями повисших на нем и одновременно кричащих о пощаде и счастье молодых, со злостью начал расшвыривать всех, пиная и ударяя, заводя себя, не сдерживаясь и не разбирая, кто перед ним.

Жена, погруженная в свои невеселые мысли, услышала неожиданные шум и крики, доносящие с холла. Среди них отчетливо был слышан яростный рык мужа: «Убью всех, су...и».

Ботагоз, бойкая по характеру, бросилась из спальни комнаты к двери. Когда она босая выбежала из квартиры в холл в легкой и яркой, дорогой и модной пижаме, купленной в Италии, распахнув входную дверь полностью настежь, то взоры одетых в зимние выцветшие полушубки, потертые дубленки тут же приковались к ней. За ее спиной проглядывалась явно богатая и современная прихожая с дорогими предметами интерьера. Неожиданное появление молодой женщины в облегающей, подчеркивающей волнующие формы, легкой накидке, никогда невиданной до этого момента и эротической для жителей сельских районов, заставило всех резко остановиться и замолчать.

Только Болат, воспользовавшись секундной паузой, завершил начатое. В легком прыжке на подскоке левым боковым он точно попал, куда метил. Ощущая, как костяшки кулака погружаются в мягкие ткани, как лопаются хрящи носа

паренька, он испытывал дьявольское удовлетворение. Пробуждалась в нем иногда такое иезуитское коварство. Он хотел не просто избить этого парня, отобравшего у отца родительское счастье, а именно покалечить, изуродовать вора.

Лет тридцать назад ребята с зала восторженно похлопали бы такому удару. «Как по книжке», – одобрительно бы сказал Сан Саныч, уважаемый всеми тренер.

Но в этот раз только испуганный вздох пронесся среди толпы, а из мужчин, возможно даже, близких родственников парня, никто не бросился к Болату с желанием отомстить. Норковая шапка, причесанная и начищенная, далеко отлетела от лежащего без сознания ее хозяина.

Золотозубая бабушка, потерявшая свой белый платок, подбежала к Ботагоз и искательно заглядывая в глаза, при этом прижимая руки к сердцу, что-то быстро стала ей объяснять. У Болата был нарушен слух еще в детстве, поэтому он не мог разобрать, что шепчет эта седая ведьма, по его определению. Его жена в ответ на слова старухи несколько раз переспрашивала, удивленно поднимая при этом свои красивые брови. В конце краткого диалога она громко произнесла: «Долбан». Это было любимое ругательство Болата и со временем оно приелось и к Ботагоз. «Долбаны», – повторила она звонко, обращаясь ко всем.

– Эти придурки ошиблись адресом. У нас новый дом, только построенный, адрес: двадцать семь дробь один, – на

последних словах она громко обратилась к толпе и еще раз повторила, – дробь один!

Генплан города, разработанный при Советском Союзе, не предусматривал будущее расширение и точечную застройку квартала. И девелопер, найдя единственное удобное место между двумя серыми панельными старыми постройками, возвел одноподъездный уютный светлый малоэтажный дом. Которому присвоили номер через дробь. Поэтому если идти с конца улицы, то невнимательные люди могли не заметить или проигнорировать черточку на номере дома.

– Долбаны! – уже сам Болат прокричал на всю делегацию.

Схватив в прихожей ключи от машины он, перепрыгивая через несколько ступеней, как есть, в спортивном костюме, который он носил дома, выскочил на заснеженную улицу. Он не слышал, как ему кричала жена: «Куртку надень! Ты телефон забыл!».

Мягкая зима, обычная для южных регионов, после семи лет, проведенных в столице, нравилась Болату. Нравилась своей неторопливостью, спокойствием в отличии от суетливой, неугомонной астанинской зимы с ее постоянными метелями, буранами. Как зрелый взрослый человек выдержан, уравновешен по сравнению с молодежью с ее эмоциональными взрывами, перепадами настроения, так и южная зима

выигрывала в этом плане.

Болат, проезжая через весь город, постепенно остывал от пережитого. Подъехав к торгово-развлекательному центру, он только сейчас обратил внимание, что выехал без телефона и денег. Пришлось парковаться на противоположной улице, бесплатно.

Среди многочисленных посетителей фуд-корта он нашел столик, за которым сидела его дочка с одноклассницами, поедая фастфуд.

– Папа? А что ты здесь делаешь?

– Я? Да так, встреча одна. Я посижу здесь, неподалеку от вас.

– А, ну ладно.

Старшая дочка, которая пыталась вести себя, как уже современная сформировавшаяся девушка, в глазах папы все еще пока оставалась хрупким и угловатым робким подростком. Все говорили, что старшая дочь, Динара, сильно похожа на папу, в отличии от младших, которые больше походили на Ботагоз. Наблюдая, как дочь общается с подружками, как неторопливо ест, сердце отца наполнилось такой нежностью к своему ребенку, таким беспокойством о ее будущем, что непроизвольно глаза снова затеплились влагой.

Вечером за ужином Ботагоз всем объявила: «Ладно, лети-

те дети с папой в Алматы, а я через пару дней, как раз тридцать первого прилечу к вам».

Прочитав молитву за столом и передав разломленную лепешку всем, мама довольная оглядела свое семейство. Вот старший сын, высокий и сохранивший подтянутую фигуру, но солидный, уже с повадками состоявшегося чиновника, привыкший повелевать, бережно накладывал своим маленьким детям дымящий бешбармак в тарелки. Ее внуки, красивые, большеглазые и еще пахнущие запахом теплого молока, притихшие во время молитвы, снова продолжили шумно спорить и обсуждать свои незамысловатые заботы. Младший ее сынок, неженатый до сих пор, отвыкший от домашней еды, жадно придвинул к себе большую тарелку с мясом, не забывая про мамины соленья и салаты. Только невестки, жены старшего сына, не хватало за столом.

– Мои дорогие, айналайын, через несколько дней наступит новый год, хочу пожелать всем добра и счастья, – торжественно объявила мама.

Глава 2 – ГГ

– Гульзима Габитовна, еще раз напоминаю о служебной дисциплине. Приказ будет готов. Не пытайтесь оспорить. Пе-

редавайте дела. Срок месяц, – баритоном и с некоторой ленцой звучал голос в роскошном кабинете.

Хозяин помещения, новый начальник управления здравоохранения города, представительный мужчина, был вхож в любые двери. Мог и на охоту, и на рыбалку, и в баньку сходить с кем нужно. Этим он выгодно отличался от своих коллег-медиков, женщин, в своем большинстве.

Сегодня он решал кадровый вопрос. Нужно было посадить на место первого руководителя крупного медицинского центра человека «из своих». Ему отдали разъяснение «большие люди с самих верхов», с которыми он никогда не спорил.

И вот теперь, глядя на главврача центра, он просто информировал ее, что нужно освободить место начальника, а самой перейти в замы.

Гульзима Габитовна, как говорится, «не первый год была замужем» и понимала правила игры. В профессиональной среде у нее уже было собственное почтительное прозвище: «ГГ», а это большое достижение. Сама она при своей привлекательной внешности, к своим цветущим годам, не была замужем. Одиночество есть в каждом из нас. Быть одному – это другое, иногда тут бывает выбор. Высокие требования у нее были к мужчинам, и в первую очередь, к уму.

«Ой дурак, какой же ты дурак», – думала она про себя, глядя прямо в подбородок начальника. Она владела психо-

логическими приемами и знала, как ввести в ступор вышестоящих руководителей. Нужно смотреть не прямо в глаза, а постараться сместить направление взгляда в подбородок, не теряя при этом общего обзора лица, можно даже мысленно про себя как бы прицеливаться именно туда для удара. Тогда собеседник будет теряться, чувствовать неуверенность. А если выбрать для прицела еще и левое ухо, то эффект будет сокрушительный, оппонент будет непроизвольно вращать головой.

Она знала, кто метит на ее место. Это был стильный молодой мужчина, но специалист слабый. «Он же все развалит. Жалобы от населения пойдут. Не дай Бог смертность среди пациентов начнется», – думала главврач.

Проверок она не боялась, как ей намекал чиновник. Но нервы попортят, это точно. Вместо бережного участия в судьбе каждого пациента, исполнения медицинского долга, ей придется объясняться. Будет вынуждена заниматься писаниной в высоких кабинетах, бессильно наблюдать, как присланные комиссии нарушают слаженную работу коллектива.

У Гульзимы было много сильных учителей, один из них наставлял: «Чиновники только тогда смелые, когда видят, что их боятся. Но когда перед ними стоят без страха, они сами пугаются: “Не боится, значит, за ним есть кто-то посильнее меня”. Да и сама она была не робкого десятка, поэтому не удостоив ответом высокого госслужащего, спокойно, дер-

жа осанку, вышла из кабинета.

Весь день на ногах, на обходах, осмотрах пациентов, на консультациях она думала только о текущей работе. Только к позднему вечеру она возвратилась к утреннему разговору.

Городской медицинский центр стал известен во многом благодаря ей. За несколько лет она собрала хороших специалистов по хирургии, терапии, и медсестры были самые доброджелательные по всему городу. Больные, узнававшие по сарафанному радио о качестве лечения, стремились попасть именно в ее центр.

И теперь ей придется расстаться со своим детищем. Становится вторым человеком в учреждении, который она создала, тем более под руководством человека, который ей был неприятен, она не могла.

Сидя в кресле, она тихо пила чай, изредка бросая взгляды за окно, да на пустые стены. В темное время суток немногочисленные машины спешили домой, только незамужняя женщина никуда не торопилась.

Одиночество легко становится любовником, когда только ему доверяешь.

Безмолвие господствовало в затемненном помещении и грусть сопутствовала ему. Неяркий свет от настольной лампы в кабинете выхватывал скромные предметы интерьера.

Взгляд мудрой не по годам женщины цепко отмечал каждую мелочь в кабинете, вызывая историю, связанную с ним. У любого человека есть прекрасные вещи, на которых и даже через много лет ласково будет останавливаться память.

Для Гульзимы это был белый медицинский халат. Он присутствовал в ее жизни, сколько она себя помнила. Потому что мама у нее тоже врач. Сама же она с детства одевалась в безразмерный халат, играя с куклами в доктора и пациентов. Когда она была студенткой, то отец ежедневно все годы учебы сам ночью или рано утром гладил утюгом ее медицинскую одежду, доводя белоснежную ткань почти до хруста, жалея свою уставшую дочь, учившуюся на хирурга.

От пришедших картинок, нарисованных памятью, чувство грусти еще усилилось. В том-то и трагедия: все, что мы чувствовали в детстве, потом уже не испытать. Мороженное пломбир, которое ты с удовольствием лопал в восемь лет, – совсем не похоже на сегодняшнее, хотя производитель клянется, что с тех пор их рецепт не изменился.

Был еще один скромный предмет, который тоже подавал чувствительные сигналы. Это была маленькая скульптурка Будды, нэцкэ. Пузатенький божок одиноко стоял среди канцелярских предметов и радостно улыбался, вздымая над головой руки.

Память вернула в то время, когда статуэтка оказалась у нее на столе.

Это был беспокойный зимний вечер. Снегоуборочные машины не справлялись с выпавшими осадками, превышающими все мыслимые нормы. Дежурные врачи, которые должны были присутствовать на ночной смене, не могли вовремя добраться до центра.

Гульзима обладала профессиональной интуицией и знала, что именно в такие природные катаклизмы и происходят человеческие трагедии, когда требуется медицинское вмешательство, но отсутствие своевременной помощи приводит к катастрофам. Поэтому она нервничала в эти тревожные часы. А снег все шел и шел, превращая усилия рабочих мигрантов в сизифов труд.

Большая черная машина, пробуксовывая на снегу, остановилась у запыленных ворот, хорошо освещаемых в ранних зимних сумерках. Двое мужчин, чуть не сметаемые снежной бурей, осторожно вынесли из кабины закутанную в одеяло женщину и проваливаясь в сугробах, направились ко входу.

Бледное лицо, измученное болью, скрюченное хрупкое тело в позе эмбриона. Мужчина, бережно держащий ее за руку. Запах лекарств и острого болезненного пота. Приемный покой часто наблюдал такие картины.

– Что с ней?

– Острый перитонит у жены. Планировали скоро делать

операцию. Но неожиданный приступ. Довезти не можем до нашей больницы. Метель, не проехать. Вы ближайшие оказались. Помогите, – голос мужчины не дрожал, спокойно констатировал факты. Это было удивительно для ситуации, которую Гульзима не раз наблюдала. Обычно мужа, непривычные к боли у близких, накручивали себя, заводили истерики. Этот же мужчина держался хладнокровно.

– Карта, история болезни при вас?

– Да, на планшете записано.

– Готовьте операционную! – приказала главврач и вышла из приемного отделения. По ночному безлюдному коридору шла милостивая женщина в белом халате и материлась отборной площадной бранью покруче пьяного сапожника. Глубокое заблуждение, что врачи, творящие добро, ведут себя интеллигентно. Именно мат и помогает скинуть напряжение. А потом уже алкоголь, если повезет.

Гульзима боялась. Боялась, как доктор, да и просто, как женщина. Перитонит опасен. Опасен промедлением. И не только этим, но и во время операции. Неточность хирургического вмешательства может привести к трагедии. А хороший хирург, умница Георгий Николаевич, не может доехать до центра из-за этой гребанной метели. О, Боже!

Первые минуты прошли спокойно. Срединная лапарото-

мия, обеспечивающая возможность полноценной ревизии и санации всех отделов брюшной полости, прошла стандартно. Следующие этапы: устранение источника перитонита; интраоперационная санация и рациональное дренирование брюшной полости, самые тяжелые. Тут необходимо мастерство и опыт.

Именно в зимние вечера и происходят чудеса, если в них верить с детства.

Хирург, Георгий Николаевич, как только получил сообщение, что критически важно попасть в центр в ближайшее время, на снегоуборочной машине за плату добрался до места. Теперь Гульзима была спокойна с таким опытным ассистентом.

После операции, когда оба хирурга намывали руки, как обычно завязался разговор, позволяющий снять напряжение.

– А Вы отчаянная, Гульзима Габитовна.

– В чем, Георгий Николаевич?

– Ну сами посудите. Больную в центр привезли самостоятельно. Не скорая привезла. Хотя скорая отвезла бы в городские клинические больницы. Тяжелая, ей оставалось считанные часы, разрыв был неизбежен. Вы самостоятельно приняли решение провести операцию. А если бы она скончалась на операционном столе? Это же подсудное дело. Тут клятвой

Гиппократу не отобьешься.

– И как бы Вы поступили на моем месте?

– Отказал. Либо оценил риск очень высоко. Материально высоко. Сидеть в тюрьме бесплатно за проявленную доброту не хочется.

– Цинизм – Ваш конек?

– Трезвый взгляд на вещи.

– Хорошо, что Вы хороший хирург, а не хороший человек.

– Хороший человек – это не специальность. Это не кормит.

– Благодарю Вас, коллега, за отличную операцию!

– Благодарю Вас, доктор!

Два профессионала шуточно откланялись, испытывая взаимное уважение и симпатию друг к другу.

В приемном покое на удивление было пусто, никто не ожидал новостей.

– Как только родственники подойдут, проинформируйте их, что все хорошо. А я буду у себя, – сообщила главврач.

Оставшись одна, Гульзима оказалась перед дилеммой. Остаться ночевать в кабинете или поехать домой? И тут только после этих мыслей до нее дошло, как сильно она устала. Напряжение, вызванное тревожными мыслями, затем проведением сложнейшей операции, больно било по

нервам и телу. Горячий душ, крепкий чай и немного легкого алкоголя – вот что сейчас нужно ей, она это знала.

Чайник закипал, после душа она копалась в стенном шкафу, выбирая бутылку из подаренных благодарными пациентами, когда раздался стук в дверь.

– Войдите, – крикнула она, не оборачиваясь, думая, что это кто-то из коллег, и не опасаясь за свою репутацию руководителя.

Когда она развернулась, держа в руках бутылку вина, то увидела перед собой мужа прооперированной.

– Что Вы здесь делаете? С Вашей женой все в порядке. Езжайте домой, – возмущенно произнесла женщина, не привыкшая видеть незваных людей в кабинете.

– Я хотел поблагодарить Вас. Да, я в курсе. Вот это Вам, – спокойно отреагировал мужчина, протягивая плотный конверт, набитый деньгами.

– Отдайте Георгию Николаевичу, – вспоминая что-то, ответила Гульзима, – анестезиолога тоже не забудьте и медсестер.

– Я уже отблагодарил его и остальных. Они мне все рассказали. Про Ваше мужество и риск. Поэтому я не могу уйти просто так, не поблагодарив Вас.

– Уберите это, не раздражайте меня.

Безмолвие неловкое и неожиданное овладело комнатой.

– Что еще? – уже более участливо спросила Гульзима, предполагая, что он будет спрашивать про дальнейшее лечение.

– Можно мне чая? – спокойно озвучил просьбу мужчина.

Теперь уже более внимательно разглядывая незваного гостя, хозяйка кабинета отметила возраст и внешность. Возраст лет на десять старше, судя по глазам. Но выглядит молодо, подтянуто. Проанализировав прошедшие часы, как он вел себя и ведет сейчас, можно было предположить, что он является либо крупным чиновником, либо большим бизнесменом. Такие люди держатся уверенно даже не своей территории. Но все чиновники и бизнесмены все равно зависят либо от вышестоящих, либо от контролирующих.

А от него же исходила аура людей, которые не исполняют чью-то волю, а сами являются ею – волей.

Поэтому она терялась в догадках, кто же он.

– Нурлан, – представился мужчина. – Ваше имя мне уже знакомо, Гульзима.

– Вы знаете, я всегда с подозрением относился к женщинам – хирургам. Руки женщины – это зеркало ее души. И лишнее напряжение им не нужно, – произнес мужчина, глядя поверх дымящей чашки чая прямо в глаза.

– А если это сознательный выбор? Если это следование семейной традиции? – почему-то молодую женщину потянуло на откровение.

– Преданность восхищает меня больше всех других достоинств. Следование традициям, даже ценой своих жертв – это достойно уважения. Но если ты предаешь себя слишком часто, в конце концов ты перестаешь быть собой.

– Почему Вы подумали, что я жертва?

– Вы не замужем?

– Большинство браков не являются сложением двух человек. Скорее, вычитанием, – усмехнулась Гульзима.

– Да, Вы правы. Женщина способна мириться практически с чем угодно – только не с равнодушием.

– Вы очень трепетно относитесь к своей жене. Это сильно заметно.

– С возрастом мужчины все более морально и эмоционально зависимы от своей супруги и все в меньшей степени – от друзей.

– Не понятно, Нурлан, Вы этим довольны или разочарованы? Вы жертва своего возраста?

– Вы очень умны, Гульзима. Но когда ты умен, впереди ожидает только бесконечная усталость.

Сильные мужчина и женщина, только познакомившись, проверяли друг друга на прочность. Как в танце, только встретившись, незнакомцы кружат вокруг друг друга, оцени-

вают способности. От первого парного движения многое зависит. Так и здесь, ни к чему не обязывающая словесная пикировка позволила по достоинству оценить интеллектуальные и волевые способности друг друга. Но затем также быстро стихла. Стресс, уходя, ввел обоих в ночную эйфорию.

– Знаете, доктор. Мы же не с этого города. Приехали делать операцию здесь. Уже дата была запланирована. Но тут приступ. Если бы не Вы, то я потерял бы жену. Я знаю. Я перед Вами в большом долгу. Если Вам что-то когда-то понадобится, то я всегда открыт для Вас. И в знак благодарности хочу подарить Вам свой талисман. Он меня не раз выручал. Это нэцкэ. Просто потрите ему пузико и загадайте желание. Он обязательно поможет. Но на всякий случай продублируйте это действие звонком мне, – серьезно произнес мужчина.

– И чем же Вы можете помочь мне вместе с этим Буддой? – улыбнулась молодая женщина.

– Уникальная профессиональная способность врача – лечить людей. У меня же нет способностей, я всего лишь умею быть благодарным, – прощаясь, спокойно констатировал мужчина с плечами профессионального боксера.

Поздним вечером ГГ потеряла пузико улыбающемуся Будде и набрала оставленный когда-то номер телефона.

На следующее утро звонок с приемной одного из высокопоставленных чиновников с министерства здравоохранения спутал все рабочие планы Гульзимы. Долгое время заняла дорога.

В просторном кабинете сидел сам хозяин и рядом находился, но не присаживался начальник городского управления здравоохранения. Бледный, с жалким лицом, от прежнего лоска и не осталось и следа, он был не похож на себя вчерашнего. Ночью имел выволочку, еще и неприятными мыслями накрутил себя.

– Гульзима Габитовна, к Вам предложение. В одной из южных областей открывается новый центр. Специализация – реабилитация. В чем уникальность этого центра – это в его новизне. Вся современная медицинская техника и новейшее оборудование представлены там. Центр создан и финансируется благотворительным фондом. Оклад на уровне главных врачей лучших частных клиник на Западе, – сразу приступил к делу чиновник.

Тут госслужащий позволил себе улыбнуться.

– Буду с Вами откровенен. Вы не представляете, какая очередь желающих занять это место. Откуда мне только не звонят. Сверху, с других структур, все рекомендуют своих друзей, родственников. Отбиваюсь, как могу. Столько

неприятелей нажил.

– Почему же Вы тогда предлагаете это место мне?

– Во – первых, потому что Вам нужно расти, развиваться во всех направлениях медицины. Вы перспективный специалист в области здравоохранения. На Вас возлагаются большие надежды. И очень многие готовы видеть Вас на высоких должностях, где Вы сможете реализовать себя и приносить пользу обществу. Поэтому к Вам такое предложение. Соглашайтесь. У Вас впереди большое будущее.

Как всегда, громкие слова лжи заглушили тихую правду. Ни одного намека не было об обнаружившейся связи между тихой на вид, миловидной женщиной и могущественными людьми. О выполнении поручений высоких покровителей и умении гасить конфликты.

Ошибочное заблуждение, что высокопоставленные госслужащие определяют политику и развивают рынок. Их ставят, чтобы они защищали интересы крупного капитала.

Бессменный чиновник «пересидел» трех министров. Он был посажен в кресло, чтобы не допустить на территорию лишних игроков. Сети аптек, лицензии на продажу лекарств, квоты, фармацевтические поставки, важные кадровые вопросы, все финансовые потоки на регионы были поставлены под четкий контроль.

Игру определяли пять крупных компаний, поделивших

рынок между собой.

И когда один из этих пяти бизнесменов позвонил ночью и сообщил, что его добрый друг попросил помочь женщине по имени Гульзима, то чиновник, оправдываясь, тихо объяснил, что невозможно отыграть назад, что кадр, который придет на смену, сам родственник больших людей. «Сделай так, чтобы она была довольна», – раздраженно закончил ночной собеседник.

И поэтому, отыгравшись за свой страх и стресс на вызванном подчиненном ему начальнике городского здравоохранения, чиновник нашел единственно верное решение.

Глава 3 – Семья

За столом старший сын еще раз терпеливо стал разъяснять матери то, о чем он ей ранее говорил по телефону. Почему его жена, ответственная сотрудница банка, не смогла приехать со всеми.

Болат планировал оставить на три дня своих детей у матери, а сам с женой собирались на новогодние праздники в Стамбул.

– Конец года, мам, финансовая отчетность. Она ранее уже договорилась, но там пол отдела заболели ковидом, некому теперь закрыть год. Сразу тридцать первого декабря прилетит, – слегка раздраженно говорил старший сын. От этого

тона остальные члены большой семьи смолкли, боясь нарушить предпраздничное настроение.

– Ой не знаю, Болат. Ваша поездка в Стамбул, как же с ней быть? Через день уже вылетать. Билеты невозвратные же. Что решили то? – продолжала допытываться мать.

– Не знаю, думаем еще.

– А возьми-ка ты Дулатку вместо жены. Летите вдвоем.

Младший сын, увлеченный домашней маминой едой, теперь поднял голову, оглядывая обоих.

Мухлиса неспроста предложила. Материнским сердцем она чувствовала, как сыновья отдаляются друг от друга. Она замечала, что клин между братьями вбивает невестка, жена старшего. Взбалмошная, всю роль в карьерном возвышении Болата она приписывала себе. И многочисленные ее родственники помогают ему. И оберегает она его от хлопот, от звонков просящих. А Дулат, по ее мнению, не соблюдает традиции, не уважает старшего. Не звонит первый, спрашивая: «ага, калайсыныз?» и не оказывает другие маленькие знаки почтения. Несколько раз Мухлиса разговаривала на эту тему с невесткой, объясняла, что не позволит ругать ее младшего сына, не надо настраивать брата против брата. Но та сразу же обижалась, а потом жаловалась Болату. Преподнося информацию совсем по-другому мужу, она добивалась того, что после таких разговоров Болат обижался на маму и подолгу не звонил ей. И потом еще обвинял младшего брата

в ябедничестве. Впрочем, погруженный в работу, он не желал лишних скандалов, нервоотрепок, не пытался углубляться в корень семейных отношений и поэтому выбирал кратчайший и легкий путь: принимал сторону жены, чтобы дома ему было спокойно и комфортно.

Не выдержав внимательного взгляда матери старший сын, припертый к стенке, и уже привыкший по служебной необходимости прятать эмоции и предугадывать ответы на поставленные вопросы, готов был озвучивать то, что желали услышать старшие.

– Конечно, поехали, Дулатка. Только много не бухай там. Я тебя таскать пьяным на себе не буду.

– Да иди-ка ты. Кто еще больше бухает, надо выяснить.

Небольшая словесная перепалка оживила отношения. Теперь уже все за столом шутили, произносили пожелания. Самые младшие, подражая старшим, торжественно вставали и желали всем добра, чокаясь при этом стаканами с газировкой.

Мухлиса, довольная результатом, занялась теперь внуками. Самая младшая, глазастенькая с красивым именем Марьям, походила на бабушку. Если про Мухлису говорили, что ее бульдозером не сдвинешь, то младшая в спорах и в дра-

ках со старшими не уступала им и почти всегда одерживала победу. И Дулата она любила больше всех, чем остальные племянники. Часто она слышала она, как ее мама ругает его по телефону и своим детским умом не понимала, как можно ругать такого щедрого, доброго и сильного дядю.

Уставшая, но счастливая Мухлиса мыла посуду, а рядом с ней сидела Марьям, копаясь в сотовом телефоне папы с играми.

Мысли скакунами проносились в голове пожилой женщины. Внуки завтра украсят елку, детей завтра нужно отправить за мясом, за продуктами, младшего сына быстрее бы женить. Снова материнское сердце стало болеть за Дулата. Она уже старая. Кто будет ухаживать за ее сыном, за ней? Надежды на невестку старшего сына она не питала. Обязанности по дому та с неохотой выполняла, отбывая провинность. Да и не горела Ботагоз желанием приезжать в дом свекрови. Только детей она оставляла в доме свекрови, а сама удалялась в собственную алматинскую квартиру вместе с послушным перед ней мужем.

«Когда я, как мать, проглядела воспитание над детьми?» – корила себя Мухлиса. Старший сын, дерзкий и сильный мужчина, лидер в общении, дома же жена вила из него веревки.

Может она сама виновата, ее постоянный образ волевой

и стальной матери так повлиял на сыновей, что они теперь привыкли не огорчать слабый пол, а быть послушными с ними, подчиняться им?

Хоть и скрывала вдова ото всех свои горестные муки одиночества и отсутствия мужской поддержки, иногда маленькие сыновья видели, как по утрам заплаканная выходит мама из своей комнаты. В такие моменты дети переглядывались между собой и клялись друг другу, что всегда будут помогать маме.

А младший, такой добрый, привлекательный. Многие девушки заглядывались на него. Даже были серьезные отношения. Но после того, как мать обожглась на невестке Болата, категорически запретила выстраивать совместное будущее с капризными, избалованными девушками, работающими с ним в стенах привилегированных учреждений. Ему нужна простая и добрая девушка, как и он сам.

Бог милостив, даст ей еще одну радость на склоне лет, – заключила она.

Глава 4 – Братья

Маленький отель, забронированный в уютном квартале Стамбула, подходил для семейного отдыха. В первый же вечер братья напились в небольшом ресторанчике, где подавали свежие морепродукты. Старший почувствовал свободу, потому что рядом не было жены, которая могла извести сво-

ими придирками. Младший за компанию.

Мама оказалась права. Вначале еще какой-то дискомфорт был в отношениях. Старший чувствовал, что он косвенно виноват, что все больше отдаляется, погруженный в свою семью и работу. Младший же ни во что не вмешивался, считая, что лучше промолчать, чем сказать.

Теперь же оставшись наедине, Дулат, как раньше, в детстве, пытался рассмешить своего всегда серьезного брата.

Дулату эта обстановка напомнила то время, когда они еще детьми ездили на соревнования в другие города и также оставались в комнатах по двое, иногда по четверо. Старший брат, делающий успехи на боксерском ринге, затащил в спортивную секцию и младшего. И тогда же стал просить тренера, чтобы и младшего тоже брали на соревнования в его возрастной категории. Оказывая покровительство Болату, тренер охотно брал Дулата. И тогда братья вечерами болтали о простом, обсуждали просмотренные фильмы, делились мальчишескими планами на будущее.

Когда старший вошел в переходной возраст, то он стал чаще ездить на соревнования в другие города. И как всегда просил тренера, взять и Дулата с собой, в качестве помощ-

ника. Тренер, получавший спонсорскую помощь от бывших учеников, состоявших в одной из криминальных группировок города, не испытывал нужды в командировочных расходах, поэтому не отказывал перспективному спортсмену.

Находясь в одном из больших городах, однажды Дулат заметил, что Болат о чем-то шепчется с другими ребятами. На вечернюю прогулку они его не взяли, Дулат этому был и рад, потому что попалась интересная книга. А в тот вечер пацаны вернулись не с пустыми руками. На худых телах под спортивными и дешевыми стандартными куртками они прятали кроссовки, кожаную куртку, какие-то тряпки. Все это они с удовольствием, запершись в комнате, разложили на койках вместе с высыпанными из карманов мелочью, электронными наручными часами и где-то бумажными купюрами.

- Вы на гоп-стоп выходили? – ошарашенно спросил Дулат.
- Тихо, не ори, – зашипели на него молодые разбойники.

В те шальные девяностые годы резко возросло количество уличных грабежей. Пацаны с неполных, неблагополучных, бедных семей занялись на улицах города отъемом денег и вещей у слабых. Милиция, как только появлялись сигналы, что ограбленных били четко поставленными ударами, ходила вместе с жертвами по спортивным залам, выявляя малолетних преступников. Но юных боксеров не пугали проблемы с законом, больше всего они боялись своего тренера и

последующими за ними санкциями в виде исключения из секции. Всю жизнь люди стараются примкнуть к значимому сообществу, оказаться выше других, тщеславие испокон веков заставляет бурлить кровь. А для юных парней принадлежность к школе боксеров давала преимущества в виде быть знаменитостью в местном районе, стать популярным среди всех девчонок двора, да и силовая поддержка ребят с зала в случае стычек не могла быть лишней. Некое чувство превосходства над всеми остальными давала атмосфера боксерского зала. Поэтому больше привода в милицию боялись спортсмены навлечь гнев своего тренера и оказаться на обочине яркой подростковой жизни.

Но желание красиво одеваться и иметь какую-либо денежку вынуждало пацанов с необеспеченных семей грабить теперь только на выездных соревнованиях в других городах.

Перебирая свои трофеи, где-то испачканные кровью и землей, провинциальные пацаны тихо приступили к дележке. Модная кожаная куртка для всех оказалась большой. Поэтому решили по приезду продать ее на рынке, а деньги поделить на всех поровну. Дулат, глядя на восторженные лица товарищей старшего брата, ревностно позавидовал, их сообществу и сплоченности, их совместной готовности идти на риск уголовного преследования, поэтому твердо сказал: «В следующий раз и меня возьмите».

«Главное – не ссы», – наказал Дулату старший брат перед

ВЫХОДОМ.

Первый уличный грабеж прошел на удивление Дулата спокойно, можно сказать, даже обыденно. Подозвав двух парней, которые подошли с протянутыми руками для рукопожатия, Болат, проигнорировав приветствие, просто молча снял наушники от аудиоплеера с головы одного парня, другой подручный тут же забрал плеер с пояса. Окружив жертвы, молодые бандиты спокойно выворачивали карманы у «пассажиров». Дулата удивила безропотность, с которой приняли посягательство на их имущество, совсем не слабые на вид юноши. Они готовы были расстаться со своими вещами, карманными деньгами, лишь бы их не побили. Такой страх не могли внушить еще щуплые фигурки напавших. Хищная бесцеремонность, с которой деловито юные пацаны грабили – вот, что вводило в ступор, отнимало волю к сопротивлению. Они могут, значит, так и положено. «Кто сверху – тот и прав», – таков закон улиц был в то время.

«Из всех этих молодых волчат, наверное, только один Болат, остался в живых», – с грустью неожиданно подумал Дулат.

В последний день перед возвращением Болат, прочитав сообщение на своем телефоне, явно затосковал.

– Человек ушел на тот свет. Человек с большой буквы. Крестный, так я его называл, – начал выговариваться Болат.

– Кто он? Я его знаю? – осторожно и участливо начал спрашивать младший.

– Больше двадцати лет общались. Он меня многому научил. Во многом помогал. Если хочешь знать, «крышей» моей был. Именно благодаря ему я имею то, что сейчас имею. И место, которое я занимаю в так называемом табеле о рангах, – усмехнувшись при последних словах, произнес старший.

– Пусть земля ему будет пухом. За все то добро, что он тебе делал.

– Давай напьемся, Дула?

Алкоголь ввел обоих в состояние легкости.

– Когда жениться собираешься? Мама все дожидаться не может. Чем займешься в старости? – неожиданно спросил старший брат.

– Устроюсь сторожем в доме малютке, в детском доме.

– Что? – вскинул голову Болат.

– Да, да, – серьезно ответил Дулат.

– Почему?

– Ты знаешь, я же раньше часто ездил в командировки. И завела меня нелегкая в длительную поездку на пару недель

в один городок, не буду говорить название.

И путь мой от гостиницы до офиса всегда проходил по набережной реки. Минут тридцать, мне этого хватало подумывать, поразмыслить. И по дороге, прямо у берега реки стоит дом с надписью «Дом малютки». Ну знаешь, туда привозят отказных детей? Еще и дети младших ясельных классов там находится. Утром в примерно в районе восьми, когда весь город просыпается, зажигаются окна, в этом доме же только один-два огонька горят. Вечером, когда обратно возвращался, то же самое. Вначале обрадовался даже. Подумал, как хорошо, что такие учреждения пустуют. Значит, нету отказников, а детей с детских домов забирают в новые семьи. И захотел убедиться в своей версии, стало мне интересно. Оделся как-то однажды посолиднее, костюм, галстук и прочее, чтобы походить на сотрудника государственных органов.

– Да, правильно сделал. Без атрибутов власти ты никто для них.

– Так вот. Заказал я на пару часов в аренду машину представительского класса с водителем. Въехали во двор этого учреждения. Специально выждал пару минут, чтобы все обратили внимание, только потом вышел. Сам весь деловой такой, осматриваю фасад, еще типа по телефону разговариваю. Как и рассчитывал на психологию сотрудников таких учреждений, уже у входа меня ожидали кто-то из руководства. Наплел им, что прислан со столицы, новый член областного комитета правящей партии, курирую здравоохранение и

прочее, и прочее. Главное в таких делах – указать, что со столицы. Тогда сразу многие вопросы отсекаются и дисциплинирует провинциальных служащих.

Прошлись по зданию. Я спросил, сколько сейчас детей содержится. Они отвечают: двенадцать, из них восемь малюток – отказников, всем им еще и года нет, а остальные – это дети ясельного возраста. Захотел я взглянуть на них. Они че то мяться стали, типа нельзя, с улицы заразу занесете, да и спят они. Ну ты меня знаешь, если что-то затеял я, то до конца иду. Короче, завели меня в комнату для малюток.

При этих воспоминаниях слезы выступили на глазах горящего. Махнул Дулат коньяка, выдохнул и продолжил.

– Представь себе, в комнате восемь малюток лежат, большая половина ворочается, остальные более-менее смирно лежат, спеленатые, но все равно головами вертят. Некоторые рты разевают, но без звука. Как рыбки в аквариуме. Тишина.

Я ничего не понял вначале. Дети, как дети. Дальше пошли. В комнату, где дети ясельного возраста, мне рекомендовали не заходить. Потому что они только проснулись после тихого часа. Но взглянуть тихо через приоткрытую дверь дали. А там четверо детей заправляют свои кровати после пробуждения. Маленькие, но такие собранные, дисциплинированно, без жалоб и хныканья, своими тоненькими ручонками разглаживают постельки.

Я сразу и уехал. Увидел, что мне нужно было и покинул здание.

Но потом, через некоторое время познакомился неожиданно с одной женщиной, бывшей сотрудницей примерно такого же заведения. Неожиданно – это я так думал. Но у Бога нет ничего случайного. Все выверено у него.

Маленький ребенок, появившийся на свет, желает человеческого тепла, чтобы его взяли на руки, укачивали, разговаривали с ним. Они требуют этого, плачут, зовут своими пискками. Но в комнате малюток к ним никто не подходит, потому что в учреждении рук не хватает на всех, чтобы укачивать, убаюкивать. Да и кто будет заниматься ими!?! И чтобы не привыкали они, и к ним тоже не привыкали, то не приходят к ним на зов. Только кормят их и все. Так и лежат они в ряд, отверженные. И уже своим маленьким мозгом они начинают понимать, что как бы ты ни звал, как бы ни кричал, не просил о любви к себе, никто к ним не подойдет. С самого рождения они теряют надежду на близость Человека.

Поэтому и затихают в итоге они, лежат живые, но безгласные в своих кроватках.

Вот почему безмолвие царит в их комнатах. Страшное оно. Я это потом ощутил. А какое безмолвие царит в их сердцах, душах?

А почему меня не пустили к малышам, которые заправля-

ли постели? Потому что при виде незнакомого человека, они все надеются, что это пришел их папа-мама и вернут им потерянную любовь. Они при виде взрослого человека, не сотрудника учреждения, бегут к нему и просят на руки, цепко обхватывают его и ни один силач в мире не может разомкнуть объятия сирот.

Вот что мне рассказала эта женщина.

Тут уже Дулат перестал стесняться, алкоголь помог ему в этом, и уже откровенно он начал плакать, некрасиво утирая глаза руками.

– Вот почему хочу устроиться туда на работу. Как сторож буду там работать, опавшие листья во дворе мести метлой по утрам, а днем держать на руках малюток по очереди, разговаривать, рассказывать им сказки, – плачущий пьяный взрослый мужчина делился своим сокровенным с братом.

В тихой комнате два человека предавались скорби. Один по ушедшему, другой – только по вошедшим в этот мир.

На следующее утро братья, опохмелившись остатками коньяка, решили пройтись по набережной, подышать свежим воздухом. Острая тоска по покинутым местам, по родным людям охватила обоих.

На одной из узких улиц, над зданием Дулат заметил вывеску с надписью «Сinema».

– Болат, пошли зайдем, кино посмотрим?

– Ты что понимаешь их язык?

– Нет. Но тем более интереснее будет смотреть. Включим воображение.

– Я только с девушками хожу в кино. А ты, если и был бы девушкой, не тянешь даже на единичку по моей десятибалльной шкале оценок, – рассмеялся довольный Болат над своим братишкой.

– Да иди-ка ты, сам Квазимодо, – улыбаясь, поддержал атмосферу Дулат.

– А пошли. Все равно делать нечего.

На утреннем сеансе было мало народа, поэтому братья, выбрав удобные места, с удовольствием окунулись в атмосферу таинства и ожидания, что дарит просмотр кино. Лучший фильм – тот, с которым ты забываешь, что смотришь киноленту и возвращаешься в состояние нетронутости. В прошлом, совсем юные, они регулярно ходили на детские сеансы, примеряли на себя образы героев, вместе с ними мысленно дрались на шпагах, спасали красавиц, стреляли и падали, подкошенные предательской пулей. Вот и сейчас, глядя на актеров, они, как когда-то в детстве, смеясь, подшучивали

друг на другом, показывая на экран: «вон очкарик на тебя похож», «а вон та обезьяна – вылитая ты».

Действия фильма крутились в морском городе, вокруг семейств, которые кипели страстями. Сцены менялись, герои входили в конфликты. Вскоре картинки перемещались одна за другой, и взрослые зрители перестали шутить, их увлекла другая жизнь, хотя они и слова не могли не понять.

Даже не понимая языка, друзья понимали, что происходит борьба поколений, борьба героев за отстаивания «своего я», рождаются и предаются чувства. Трагедия с потерями развернулась на экране. Двое зрителей оделись в чужие одежды, серьезно рассматривая сцены и домысливая каждый сам про себя диалоги.

Задумчивые мужчины вышли из кинотеатра. Притихшие, они искали похожие моменты из своей жизни и персонажей, размышляли над открывшимися тайнами, которые двигали выбором героев.

Прикурив от одной зажигалки, оба молча курили, иногда бросая друг на друга искоса взгляды.

– Дулат, что хотел сказать режиссер этим фильмом? – после глубокой затяжки спросил Болат.

– А сам как думаешь?

– Слушай, я там себя увидел, так мне показалось. А ты что увидел? Что тебе дало это кино?

– Дай мне пару минут собраться с мыслями, сейчас расскажу по дороге, – выбрасывая окурок, произнес Дулат.

Путники молча неспешно побрели по узкой дороге, мощенной древними булыжниками...

Глава 5 – После Нового Года

Братья, возвратившие третьего января, нагруженные закупленными подарками, в предвкушении встречи с родными, были рады возвращению на родину. Еще в аэропорту Стамбула, накатив перед длительным рейсом виски, они опухшие, помятые, но довольные осматривали улицы Алматы.

– Тишина то какая в городе после Стамбула.

– Бухают все, – выдала неудовольствие жена Болата, встретившая их в аэропорту на машине.

Красивая Ботагоз с неудовольствием осматривала лицо мужа. Раздражение, накопившееся тем, что она не смогла провести три дня вместе с мужем в Стамбуле, отдохнуть, пройтись по магазинам, старалось вырваться. Как всегда, на самого безобидного и не дающего отпора.

– Ты почему за старшим братом не следил? Если сам бу-

хаешь, то зачем ему наливал?

От возмущения у Дулата перехватило дыхание. Но это жена старшего брата, поэтому он просто молча проглотил обиду и продолжил осматривать спящий город. Такое настроение испортила. Вот и женись теперь.

Ирония – любимое, а главное, единственное оружие беззащитных

Впрочем, увидев маму в прихожей родительского дома, все обиды ушли. Как раньше, возвращаясь с улицы или со школы, маленькому человеку, обиженному на весь мир несправедливостью, стоило увидеть маму, как неприятности отступали. Хотелось, как в детстве пожаловаться ей на зло. Тот же запах, то же тепло от плеча. И пусть с возрастом мама не становилась сильнее, не могла противостоять противникам, главное – это знать, что самый близкий человек на свете всегда за тебя, не отвернется.

Трое детей тут же облепили папу, громко крича, перебивая друг друга, хвастались подарками, полученными от Деда Мороза и требуя обещанные турецкие сладости.

Новогоднее настроение царило в доме, представители трех поколений одного семейства, разные по характерам и впечатлениям, объединились для празднования, деля радость на всех.

События, разворачивающиеся на западе страны в начале года, были далеки от счастливого большого семейства, да и ото многих граждан. Даже, когда четвертого января появились первые сообщения о стихийных митингах теперь и в Алматы, большинство жителей страны по своей простоте думали, что скоро все обойдется, что это временно.

Праздничное новогоднее настроение не покидало маленький домик на окраине Алматы. Болат с Ботагоз были нарасхват в домах друзей, поэтому они вдвоем уезжали по гостям, а дети оставались с бабушкой и Дулатом. Болат по утрам отсыпался от обильных возлияний со старыми друзьями, а днем с Ботагоз они снова собирались в гости. Дулат же водил маму и племянников по торгово-развлекательным центрам, по досуговым заведениям. Счастливая Мухлиса замечала, что ее младший сын не хочет, чтобы она себя утруждала себя домашней стряпней, поэтому прогулки растягивались на весь день и проходили от одного ресторана до другого. И дома они, уставшие, но довольные от гуляний и впечатлений, долго пили чай со сладостями и разговаривали.

Утром пятого января стали собираться в дорогу старший сын с семьей. У Дулата же был отпуск аж до десятого января, поэтому он просто наблюдал за приготовлениями, постоянно следя за новостями в телефоне.

– А вы никуда не улетите, – ошарашенно произнес младший.

Тревожное и напряженное безмолвие охватило дом, неумолкающий до этого дня. Раз за разом перечитывая тревожные новости на телефонах, большая семья оглядывала друг друга.

– Хаос, – лаконично заключил Болат, связавшийся с акиматовскими сотрудниками и ответственными работниками с места своей работы.

– Хаос, – еще раз повторил он, – по всей стране.

Растерянность охватила обоих мужчин и молодую женщину. Только мать, выросшая в ауле, прошедшая дефицит при Союзе и зарождение капитализма после его развала, знала из жизненного опыта, что нужно всегда надеяться на лучшее, но готовиться к худшему. Поэтому она стала отдавать распоряжение сыновьям.

– Продукты. Все, что можно купите. Воды.

– Лекарства?

– Не надо, слава Богу, еще при пандемии всего набрала. В город не выезжайте, здесь в районе возьмите.

Машина, выехав на центральную улицу поселка, недавно

присоединённого к городу, набрала скорость по направлению к мегаполису.

– Э, ты что? Мама же сказала, не выезжать, – беспокоенно сказал Дулат.

– Мама сказала, мама сказала, – передразнил младшего Болат.

– Ну так опасно. Ты же видел видео, что творится на улицах.

– Да недалеко только. Надо осмотреться. Если что, нам придется на машине валить отсюда.

– Только недалеко.

– Помолчи, а.

Дулат внимательно оглядел старшего брата, который сам был растерян. Обычно собранный и уверенный, он теперь вращал головой по сторонам, выискивая любую опасность.

– Вот! Смотри, смотри, – показал пальцем старший.

– Емаа, – удивленно протянул Дулат, долго проживший на западе страны и сохранивший привычку ее жителей, выражать свое изумление таким возгласом.

В метрах пятидесяти от них по широкой улице бежало множество полицейских. Но не исполнение служебного долга гнало их вперед за кем-то, а страх был основным мотивом.

вом их бегства. С прижатыми в плечи головами, вымотанные за несколько дней физическим и нервным напряжением, они по инерции пытались ускориться, но потом переходили на усталый шаг. А вслед за ними летели камни, палки, обрушивающиеся на головы, спины. Некоторых отстающих догоняли агрессивные парни и толпой избивали по одному. Самое страшное, что никто из убегающих не возвращался назад, чтобы отбить своих. Никто друг другу не помогал. Все думали только о своем выживании.

До братьев в машине доносились крики о помощи, стоны лежащих, яростный мат избиваемых.

Болат, вцепившись в руль побелевшими пальцами, вглядывался в картину происходящего. Дулат, оцепенев, как кролик перед удавом, не мог пошевелить и пальцем. Впервые на глазах такое происходило в их жизнях. Жуткий страх, переданный убегающими, заполз в салон машины и сковал братьев.

Как загипнотизированный, Болат, постоянно повторяя одну и ту же фразу: «Бисмилля ир рахман ир рахим» и не отрывая взгляда от разворачивающейся трагедии, пытался переключить рычаг на заднюю передачу скорости, но онемевшие руки не слушались.

Нападавшие обратили внимание на одинокую машину, стоящую на перекрестке. Несколько парней стали показывать руками на братьев. Это и помогло снять нервный паралич у случайных свидетелей душегубства, развернувшегося

на их глазах.

– Гони, гони! – Дулат стукнул кулаком в плечо старшего брата.

Болат, наконец-то совладавший с рычагом, утопил ногу в педали скорости. Испуганные взрослые и сильные мужчины, не обращая внимания на дорожные знаки и света светофоров, мчались подальше от города в безопасное место, к семье.

Остановившись у районного магазина, братья, прежде, чем зайти внутрь, жадно стали курить. Пытались по привычке сплевывать никотин, но пересохшие от страха рты выдавали только тонкую тягучую желтую слюну.

В магазине они машинально брали все попадающие под руку продукты и несли на прилавок. Дулат, всегда опрятный и чистюля, перед которым стояла картина избитого, лежащего в крови полицейского, подсознательно взял коробок стирального порошка.

Испуганная продавщица, глядя на действия мужчин и все возрастающую гору продуктов, незаметно закрыла кассу и потихоньку пробиралась к черному выходу, но потом узнала их.

– Вы сыновья Мухлисы?

– Да, апай.

– Вы из города? Что там происходит!?

– Там полный капец. Опасно сейчас там. Никуда не выезжайте.

– Ой бай! – испуганно вскрикнула пожилая женщина, продавщица и хозяйка районного магазинчика.

Сама она давно продала свой небольшой домик в поселке и перебралась в квартиру в город к дочери. И каждый день моталась, открывая рано утром магазин и возвращаясь поздно вечером обратно в город.

Братья не раз пожалели потом о том, что напугали своим видом и предупреждением хозяйку магазина.

После их ухода она все, что могла, особенно алкогольные напитки, загрузила в свою машину, заперла крепко магазин и уехала в город. По пути она еще оставляла голосовые сообщения своим подружкам и родственникам о том, что очень опасно. И кое-что добавляла уже от себя. Как это делают нереализованные, не совсем порядочные тетки, желающие признания, движимые жадной тщеславия. Кому-то сообщила, что к ней ворвалась толпа мужчин и ограбила весь магазин, унеся всю выручку, весь алкоголь. Кого-то проинформировала, что сыновья Мухлисы, избитые и окровавленные, еле унесли ноги с города, а она им помогла, водички дала попить.

Ой как пожалели братья, когда эти сплетни, обрастая все-

возможными домыслами через весь поселок, пришли к матери.

Но еще больше пожалели потом они, когда жители района обнаружили, что единственный на всю округу магазин, снабжающий всех продуктами питания, закрыт. Особенно было жалко одиноких и пожилых, оставшихся без ничего и без какой-либо помощи.

Братья, загрузив машину едой и напитками, прямо в салоне открыли бутылку коньяка и передавая друг другу, делали большие глотки. Напряжение постепенно отходило.

– Пора домой, – устало сказал Болат.

– Матери ничего не надо говорить, – поддержал Дулат.

Когда машина въехала во двор, то к ним навстречу выскочила мать.

– Вы в город ездили!?

– Нет. Зачем? Продукты здесь набрали.

Ничего не ответила им постаревшая за время ожидания мать, а лишь разглядев лица и фигуры сыновей, и убедившись, что с ними все в порядке, устало прошла в дом.

Теперь новогодние сумерки стали тревожными. Притих-

шее семейство рано гасило свет в комнатах. Потому что разнообразная информация, приходившая на телефоны, кише- ла самыми ужасающими новостями.

Мужчины в доме, хотя и набрали алкоголя, отказались от него, договорившись между собой о сменном дежурстве по ночам. Мать, опытная и стойкая, занялась активной деятельностью. С раннего утра она начинала кашеварить, готовя еду для домашних. Все семейство было занято бытовыми во- просами, дружно помогая друг другу. Дети, не понимая что происходит, предоставленные сами себе, еще и оставленные без Интернета, теперь играли в прятки, догонялки по дому и другие активные игры.

Глава 6 – Болат

Болат, привыкший к кипучей организационной деятель- ности, скучал. За последние несколько лет он оброс обязан- ностями, зоной ответственностью, штатом подчиненных, во- шел в круг людей, уважаемых и узнаваемых в своей сфе- ре. Он чувствовал себя состоявшимся мужчиной с активной жизненной позицией и гордился собой.

Теперь временное вынужденное безделье утомляло его. Иногда в ночные часы дежурства он позволял себе рюм- ку-другую коньяка, чтобы взбодриться. Тогда память воз- вращала его в прошлые года, рисуя его жизненный путь.

После окончания инженерно-строительного факультета в начале двухтысячных он молодым сотрудником трудился в одном из управления городского акимата, занимаясь оформлением документов на индивидуальные жилищные участки под строительство домов. Работа была скучной, заработная плата мизерной, вся его деятельность заключалась в том, чтобы принять заявление от граждан, желающих получить участок земли, после команды руководства указать на карте предполагаемые места. Счастливые получатели, отстоявшие несколько лет в очереди, приходили с готовыми документами, и тогда Болат ездил вместе с ними на автобусах, иногда на частных машинах на желанные куски земли, расставлял колышки, фотографировал на служебный цифровой фотоаппарат пустые места, чтобы занести всю информацию в компьютер.

Лучшее в те дни было, когда он выезжал на «махновские дома». Так между собой сотрудники управления называли дома, которые были построены безо всяких архитектурных проектов, без разрешений, а иногда и на самовольно захваченных землях. Тогда владельцы, чувствуя свою вину перед акиматом, днями просиживали в коридорах, ожидая законные документы на жилища. И когда Болат выезжал к ним, тогда его радушно встречали, как представителя власти. В их домах он занимался измерением размеров незаконных построек, фотографировал. Все это занимало длительное вре-

мя, иногда уходил целый день. И после выполненной работы хозяева угощали его домашней едой, подолгу поили чаем. А на прощание засовывали мелкие купюры в карманы, прося похлопотать перед начальством за ускоренное решение их проблем.

Мама всегда говорила детям: «ведите себя так, как будто ваша мечта уже сбылась». Поэтому он в белой рубашке, с обязательным галстуком, сам спортивный, энергичный, производил впечатление перспективного, целеустремленного человека, будущего большого чиновника. Для большей солидности он не расставался с объемным кожаным портфелем, подаренным мамой в честь устройства на первую работу. В нем он носил цифровой фотоаппарат, рулетку, блокнот. В некоторых домах его с интересом разглядывали, хозяева домов то ли в шутку, то ли всерьез предлагали ему своих дочерей в жены.

Так проходил уже год его службы в акимате и мысленно он строил ступени карьеры. Через три года стать начальником отдела, еще три года на достижение должности зама управления, потом еще три года, чтобы стать начальником.

Однажды, когда он возвращался домой, к нему на улице, подошел серьезный мужчина, показал красную корочку сотрудника Комитета Национальной Безопасности и попро-

сил проехать с ним. «Не волнуйся, с тобой хотят побеседовать», – кратко он сообщил, ведя машину по весенним улицам Алматы.

Болат твердо про себя решил, что стучать на коллег и начальство не будет. Если ему предложат это, то он сразу откажется, а в случае давления на него, уволится с работы.

В кабинете, куда его пригласили, с ним доброжелательно поздоровались двое мужчин. Один, казах с приветливым лицом представился Маратом, а другой, русский со стальным взглядом и крепким рукопожатием, с именем Алексей.

– Болат, у нас к тебе просьба, – мягко начал Марат.

– Стучать не буду, – твердо перебил юноша.

– Болат, с этим мы даже и не планировали обращаться к тебе, – чуть улыбнувшись, продолжил собеседник.

– А что тогда? – недоверчиво спросил тот.

– Тебе знаком этот дом? – стал показывать фотографии сотрудник КНБ.

Большая постройка с небольшим палисадником вдоль улицы в районе базара. На некоторых фото он увидел себя, рулеткой снимающим размеры.

– Да, я там был недавно. Хозяева не предоставили архитектурный проект, не согласовали. Вот я по их самостоятельному проекту и привожу документы в порядок.

– Сколько комнат в доме? Из какого материала построен он? Стены толстые? Есть там погреб, чердак?

Болат, удивляясь вопросам, стал обстоятельно рассказывать, что он увидел, измерил.

– А хозяева сами? – продолжал расспрашивать Марат.

– Обычная семейная пара, муж и жена. Чуть пожилые. Целыми днями дома.

– Больше никого не видел? Не заметил присутствие еще кого-то третьего?

– Нет, ничего такого.

– А еду? Они тебя угощали?

– Да, угощали.

– Чем?

– Обычная еда. Мясо с картошкой. Мяса много. С большого казана прям накладывали.

При этих словах Марат с Алексеем переглянулись.

– Болат, в этом доме скрывается опасный террорист, – тут вступил в разговор Алексей.

– Я не заметил, – ошарашенно ответил парень.

– Да, Болат. Очень опасный террорист, боевик, – повторил Алексей, – и возможно он там не один. Я из России, майор ФСБ, веду розыск таких преступников. По оперативной ин-

формации один из главарей банд скрывается именно в том доме, где ты был несколько дней назад.

Отгремела вторая чеченская война в России. Иногда по российским новостям передавали, что ведется поиск террористов, которые объединились в бандформирования, продолжали вести борьбу и могли укрываться в соседних странах.

– В чем заключается ваша просьба ко мне? – долго не думая, уверенно спросил Болат.

Двое офицеров снова переглянулись между собой, но теперь уже удовлетворённо.

– Ты сможешь снова попасть к ним в дом, не вызывая подозрений?

– Да, могу.

– Как объяснишь им?

– Что не закончил работу.

Марат, одобрительно кивнув на ответы Болата, вытащил из-под стола небольшой квадратный предмет. Затем покрутив какие-то рычаги на небольшом мониторе, уже стоящем на столе, жестом указал внимание на экран.

Болат увидел на сером экране фигуры троих людей, сидя-

щих в помещении. Хотя на экране были только очертания, без лиц, он сразу узнал себя и двоих офицеров. Привстав Марат еще покрутил настройки, и тогда Болат увидел теперь уже соседние комнаты вместе с находящимися в них людьми.

– Это тепловизор. Новейшая разработка.

– Круто, – восхищенно протянул молодой человек.

– Да, помогает сразу обнаруживать спрятавшегося противника. Но в чем проблема, так это в том, что он должен находиться внутри здания, помещения. Поэтому у нас к тебе просьба, чтобы ты не вызывая подозрений, поставил эту коробочку в том доме. Если откажешься, мы тебя поймем. Не каждый взрослый мужчина способен на такое.

– Я готов, смогу, – твердо сказал Болат.

– Хорошо. Значит, мы не ошиблись в тебе. Иначе бы не пригласили сюда. Как бы банально это ни звучало, но и Родина тебя не забудет. Мы помогаем нашим коллегам из России, они тоже нам помогают в других вопросах. Ты же помогаешь нам всем. А все вместе мы делаем одно общее доброе дело. Любое добро должно быть вознаграждено, а зло должно быть наказано. Всем по заслугам.

– Да ладно, я же все понимаю, – ничуть не смущаясь, ответил юноша.

Тут же трое стали обсуждать предстоящую операцию. Отрабатывали мельчайшие детали, имитировали диалоги. За-

ставили Болату репетировать все фразы.

– А если что-то произойдет не так, если тебя хозяин схватит за руки? – задал вопрос Марат.

– Ударю лбом в нос, потом двоечкой добыю. Уже отработано, – просто ответил Болат.

– Да, мы знаем, что ты боксер. Но геройствовать там не надо. Ни в коем случае. Если ситуация вышла из-под контроля, уноси ноги как можно быстрее и дальше. Понял?

– Понял.

– Не буду тебе напоминать, что об этом никому не слова. И сегодня ночью обязательно выпись.

Вечером мама заметила воодушевленное лицо старшего сына. Обычно дети делились с ней всеми новостями. В этот же раз, Болат, придумал байку, что его сильно похвалили на работе. Но чутким материнским сердцем, бросая внимательные взгляды на задумчивого сына, она обеспокоилась. Младший, послушный юноша, еще учился в институте, причем прилежно, старательно и проблем не возникало с ним. Старший же, шепутной, любопытный ко всем проявлениям жизни, всегда вызывал беспокойство у матери. Он рано попробовал алкоголь, рано его начали окружать девушки, вливался во все компании хорошие и плохие, которые он встречал. Участвовал во всех районных драках, в одной из которых ему так сильно попало, что он месяц лежал в больнице, а в

итоге оглох на одно ухо. Характер у него совершенно неумный. Как колобок все время куда-то стремится. «Он родился семимесячным, так торопился увидеть этот свет, что теперь его не остановить», – так объясняла себе мама неугомонный характер Болат. «Не торопись жить, всему свое время», – часто говорила она старшему сыну. «Мне интересна жизнь улиц, но больше всего я ценю интеллигентное общество. Умение перемещаться между этими двумя мирами пригодится мне в будущем, когда я стану большим начальником», – уверенно он отвечал, успокаивая маму.

Перед сном, Мухлиса, как обычно, прочитав молитву, прося лучшей доли для сыновей, дополнительно еще попросила Бога уберечь детей от зла, хранить их.

На следующий день Болат, получив от Марата коробку и запихнув ее в свой портфель, вышел на улицу, ведущую к дому террориста.

– Болат, ты опять к нам? – удивленно спросили хозяева.

– Да, – радостно улыбаясь им, ответил сотрудник акимата, – я снова к вам.

– А что случилось? – обеспокоенно спросил хозяин, крепкий, с мускулистыми руками, еще не старый мужчина.

– Компьютер полетел. Все файлы пропали. Теперь придется снова все делать. Опять фотографировать, – теперь уже огорченно проинформировал, играя свою роль, Болат.

– Это надолго? – подозрительно продолжал допрашивать тот.

– Как получится, – пожав плечами, ответил парень.

– Мы что снова будем ждать документы? – вмешалась хозяйка.

– Да. Все теперь будут ждать. И ваши соседи тоже. Вы же не одни, кто нарушили закон, – на последних словах теперь уже строго обращался к проштрафимся хозяевам сотрудник акимата.

Ничего не ответили ему, только обреченно махнув рукой, выпустили, продолжив сами заниматься своими делами. Болат, пройдя в жилище, оставил в центральной комнате свой портфель с секретной аппаратурой. Сам же вышел с фотоаппаратом во внутренний двор и стал делать снимки. Хозяева, которые продолжали подозрительно наблюдать за ним, через некоторое время успокоились и перестали обращать внимание на него. Сделав снимки заднего фасада, он вышел на проезжую улицу и оттуда стал фотографировать дом. Делая неторопливые шажки к соседнему участку, он продолжал делать фото.

Сердце бешено колотилось, когда его окликнули двое алкашей, облюбовавших тень под деревом для распития дешевой бутылки водки с нехитрой закуской. Пыльная старая одежда, грязные лица, обращенные только к алкоголю, весь вид их говорил об обреченности. Много было таких в те го-

да, потерявших маяки в пучине времени, выкинутые за борт жизни и теперь тонувшие в бутылках алкоголя.

– Братишка, угости сигаретой, – попросил один хрипло.

Болат, доставая сигареты из кармана у всех на виду, наклонился, чтобы вручить им по одной штучке каждому.

– Коробка в доме, – тихо прошептал им.

– Знаем, теперь уноси ноги, – также тихо, прикуривая, ответил алкаш.

Болат, не оглядываясь, шел и шел, спокойный и уверенный, что теперь все закончилось.

Через несколько дней перед зданием акимата его окликнул Марат. Тепло здороваясь, даже обнял, как принято у близких друзей.

– Это тебе, – протягивая тяжелый пакет, произнес офицер.

– Что это?

– Подарок. От Алексея. Вчера он проставлялся по случаю успешно проведенной операции. И один тост он произнес за тебя, с особой благодарностью.

– О, виски, – заглядывая внутрь пакета, произнес восхищенно Болат, никогда не видевший до этого такую яркую бутылку.

– Да, но не увлекайся алкоголем. Впереди у тебя теперь большое будущее. Нужно иметь трезвую голову на плечах и ясные мысли. Фундамент у тебя хороший. Правильное воспитание тебе дала мама. Теперь только от тебя зависит, какое здание ты построишь на этом основании. Понимаешь меня?

– Конечно, понимаю.

– Ну и отлично. Хорошие люди должны быть востребованы, не прозябать на обочине жизни. Поэтому то, что я тебе предложу, это не только наша благодарность тебе за твою помощь, но и видение порядка в мире, где лучшие люди должны быть впереди. Ты согласен с таким порядком?

– Да, только так и должно быть.

– Тогда слушай. Тебе вскоре предложат должность начальника отдела в управлении акимата. Будешь заниматься контролем строительства крупных объектов по всему городу. Станешь узнаваемым среди строительных компаний. Как тебе?

– Маке. Спасибо за предложение, но не пойду. Я уже говорил, что стучать не буду, – твердо глядя в глаза, повторил фразу, Болат.

– Ха-ха-ха, – искренне рассмеялся офицер. – Тогда и я тоже повторю, что с этим предложением мы даже и не думали подходить к тебе.

– Ты меня плохо слушал. Больше повторять не буду, – теперь уже серьезно продолжил Марат. – Любое общество состоит из пастухов и овец. Это знание к тебе постепенно при-

дет, если будешь учиться. Овцы не глядят дальше своих желудков, а только обрастают мясом, жиром. Пастухи же принимают на себя всю ответственность, силой своих знаний и мастерства определяют развитие. Ты молодой еще, но смелый, и главное – находчивый, думающий. А это сильные качества. Обидно будет, если ты не найдешь им применение. Тебе необходимо развиваться, входить в большой мир. Дверь в него мы тебе приоткрыли, все остальное теперь зависит от тебя. Там много интересных открытий ждет молодых и талантливых людей, если не потеряться. А чтобы интересная жизнь была еще и полезной, необходимо постоянно совершенствоваться. Использовать все мгновения для физического, психологического и духовного формирования. Задавать себе правильные вопросы, чтобы понять направление внутреннего развития.

– Извините, я не хотел Вас обидеть, – все также твердо, глядя в глаза, произнес Болат.

– Извинение принимается.

– Но я недостаточно компетентен, я только год назад закончил институт.

– Всем порой кажется, что они недостаточно подготовлены для высокой должности или крупного проекта. Это все от подсознания, оно присутствует у всех людей еще с пещерных времен. Мозг преувеличивает опасность, чтобы человек мог оперативно среагировать. Стресс включает защитную реакцию, заставляя человека бессознательно отказываться от вы-

зовов. Самое обидное в том, что это никак не связано с реальной компетенцией и знаниями. Это лишь у мозга срывается предохранитель. Контролируй его и верь в свои силы.

– Я понял. Спасибо большое за такое знание! – ошарашенно произнес парень.

– А насчет стукачей, как ты изволил говорить. То их у нас хватает. И даже криминал стучит друг на друга, хотя это не понятиям. Если не хватит, любого я лично могу заставить стучать, хоть на кого, хоть на родного брата. Поверь мне, – и тут уже интеллигентное обаяние офицера спецслужбы куда-то унесло, как легкое покрывало, и волчий взгляд хищника уставился в глаза юноши, проникая дальше в черепную коробку.

Когда-то Болат услышал и запомнил от преподавателя в институте, что есть единственная фраза, открывающая главную мудрость для человека. Фразу породили в еще древних империях и записали на стенах храмов.

«Познай самого себя», – так гласит она.

Продолжая в будущем дальнейшее общение с офицером, он открыл для себя, что в этом плане Марат осуществил намерение Бога – он познал себя истинного, без фальши и социальной шелухи, и поэтому не скрывал свою природу, а только примерял на себя разные одежды. Любопытство к жизни в нем было сильнее страха.

Благополучен тот, кому предназначение позволило спол-

на раскрыть свою сущность.

А тогда, сидя на скамье, взрослеющий юноша впервые встретил сильного и особенного человека и больше никогда и нигде не встречал таких за свою жизнь. Оставшись без отца в детские годы Болат невольно искал образцы мужчин для подражания и следования. И в тот день он нашел свой идеал, на которого он хотел бы походить.

Марат продолжал опекать Болат. Подсказывал ему, давал советы. Иногда предупреждал о провокациях, сопутствующих профессиональной деятельности государственного служащего.

А теперь он неожиданно скончался. Что было очень странно, так как Болат знал, что тот всегда подтянутый, уважающий себя, тщательно следил за своим здоровьем.

Болат за двадцать лет общения с ним так и не узнал, какие звания он носил, только догадывался, что тот мог служить в самом засекреченном управлении, внутренней контрразведке.

И может есть связь между его неожиданной смертью в новогоднюю ночь и событиями в стране? Какие тайны унес с собой в могилу этот ответственный сотрудник спецслужбы?

Глава 7 – Плюшевый тигренок

Всегда активная южная столица в после новогодние дни

гремела на весь мир. Но шумела теперь уже не веселой удалью, а дикой вакханалией. Репортеры со всего света освещали события, творящиеся на улицах большого города.

Митинги, начавшиеся в Алматы вечером четвертого января, превратились в массовые беспорядки. Ночью вооруженные люди громили аэропорт, опустошали банкоматы, грабили магазины и сжигали машины. Мелкие банды врываются в дома и квартиры, выносят все ценное, избивая сопротивляющихся. В мессенджерах публиковались объявления о том, что требуются крепкие парни для группового грабежа.

Сами алмаатинцы больше доверяли телеграмм-каналам, перекидывали друг другу видео, информацию, содержащие именно то, что связано с безопасностью.

Простые обыватели южной столицы, порядочные люди заперлись в домах, не создавая шума и не привлекая внимания, боясь за себя и за родных. Тишина поселилась в квартирах, заставляя испуганно прислушиваться к топоту на лестничных площадках, крикам на улицах. Плотнo задернутые шторы, крепко запертые дверные замки, ножки от табуреток и кухонные ножи, наивно разложенные в прихожих для отражения нападения. Такая картина была во многих домах и квартирах Алматы.

Страх сковал всех и тоскливое безмолвие поселилось в жилищах.

В это же время в домик Мухлисы потянулись соседи. С просьбами дать немного еды. Единственный магазин на всю округу был закрыт, но никто из местных жителей не осмелился причинить ущерб, взломать замок. Сердобольная Мухлиса, зная, что такое голод и нужда, делилась со всеми, отдавая кому пакеты вермишели, кому банку тушенку. Но при этом про себя рассчитывала, когда запас может закончиться и тогда нужно прекратить раздачу продуктов, потому что дети и внуки сами станут голодать.

Некоторые соседи, пожилые люди и матери-одиночки с детьми просились на ночлег в ее дом, опасаясь оставаться одни тревожными ночами, зная, что сейчас вместе с ней есть взрослые сыновья. Болат рассудил, что так будет лучше. В случае нападения слабые соседи хоть и не смогут дать отпор, но зато нападающие не захотят связываться с большим количеством людей. Мародеры только тогда смелые, когда их больше.

Утром переночевавшие возвращались в свои дома. Не выпавшие, обеспокоенные тревожными мыслями.

Слухи один страшнее другого переходили от дома к дому, от соседей к соседям.

Сын соседки, безработный простой парень, выходил ночью со своими друзьями, такими же неустроенными в жизни, как и он, на мародерство и грабежи. Дважды он возвращался с большими суммами денег, первый раз с миллионом тенге, во второй раз уже не только с наличностью, но и новейшими

телефонами в сумке. А в третий раз не вернулся, позвонили с морга, чтобы приехали опознать труп, в кармане было обнаружено удостоверение личности.

Говорили, что ночью через поселок проходят вооруженные банды. То ли в город на штурмы государственных зданий, то ли убегают от правительственных войск.

Больше всех от бессилья скрипел зубами Болат. Страх за детей взвинтил его до состояния свернувшейся пружины, готовой в любой минуту взорваться. Еще доходили слухи, что одурманенные от безнаказанности мародеры насилуют женщин. Глядя на притихшую красавицу жену и не отходящих от нее ни на шаг детей, он отчаянно искал спасение для них, бегства в безопасное место.

Мухлиса, глядя на своих мечущихся сыновей, предупредила их, чтобы даже и не пытались они участвовать в этой вакханалии. Не присоединяться к митингующим или сопротивляющейся власти. Сейчас нужно держаться подальше ото всех вельможей, чиновников и лидеров бастующих из народа. Не поддерживать никого, а думать только о своей семье.

Это игры визирей, власть делят. Окружение боится потерять свои привилегии, финансовые круги – свои дивиденды. А на чужие жизни, на народ им наплевать. Можно пропасть, участвуя в их дележке пирога. Гражданский протест был использован для примитивной схватки негодяев, которых было достаточно на всех сторонах.

Так кратко она объяснила им свое видение происходящего в стране.

На узком семейном совете приняли решение: Болату нужно увезти семью. И по железной дороге. Все вместе они не могли уехать. Потому что неизвестно, будут ли места для семерых членов семьи. Если станет совсем опасно, то Дулат с матерью перейдут в алматинскую квартиру Болата. На предложение Дулата, чтобы Болат забрал с собой и маму, Мухлиса ответила категорическим отказом. Она не хотела оставлять младшего сына одного. Да и старый надежный дом подавал сигналы, что все общественные бури обойдут стороной, как и раньше.

Решение решением, а воплотить в действие – это большая проблема.

Всю эту задачу разделили на две составляющие: добраться до вокзала, найти наличные деньги на посадочные места. Никакие такси не работали. Про банкоматы и денежные переводы придется временно забыть. Дулат без раздумий предложил отвезти на машине семью брата через весь напряженный город. Мама все свои накопления в виде узкой пачки долларов, завернутых в белый платок, поставила на стол перед старшим сыном. Болат каким-то чудом через свои связи нашел два места в одном купе поезда, отправляющегося в Нур-Султан.

Теперь главное – добраться до вокзала. Вот где самое уязвимое и опасное место в их операции. А сам вокзал? После того, как атаковали аэропорт, теперь все боялись нападения на другой крупный транспортный узел.

В домике на окраине Алматы у всех глаза были на мокром месте. Мама, провожая, боялась за судьбу детей и внуков. Болат с Ботагоз, прощаясь с мамой, не могли сдержать слез, не ведая что теперь будет с ней. Внуки, глядя на взрослых, за компанию принялись дружно реветь. Один Дулат сосредоточенный, был зол. Потому что не взяли маму.

В зеркале заднего вида сыновья взглядами провожали мать, которая прижав уголки платка к губам, теперь уже не сдерживаясь, плакала. Пройдя в комнату, где была фотография умершего мужа, она неистово стала молиться, обращаясь то к Богу, то к духу ушедшего супруга, с просьбой оберегать и хранить сыновей с внуками.

Ботагоз сидя в машине сзади, обнимая детей, всю дорогу непрерывно читала слова молитвы.

Серый монолитный вокзал в зимний январский день пугал. Пугал своим безмолвием.

Никто, как раньше не провожал, не встречал. Теперь уезжающие пассажиры были предоставлены сами себе. Немногочисленные провожающие торопливо выгружали багаж и

покидали место скопления людей, испуганные. Боясь неизвестности. Просто страх в те дни поселился в людях.

Семья примерно рассчитала время расстояния от дома до вокзала, чтобы не ждать, не сидеть в опасном месте, а сразу же попасть на поезд и мчаться, мчаться подальше.

Болат с Марьям на руках быстро пробежал на перрон, сзади Ботагоз с двумя детьми за руки. Дулат, нагруженный чемоданами, семенил, не отставая ото всех.

Успокоенные наконец-то безопасным местом, которым стал поезд, семья стала располагаться в купе. Болат, кратко попрощавшись, все еще недовольный тем, что не взяли маму, поспешил к выходу.

– Дулат-ага, подождите! – маленькая девочка побежала следом за Болатом по коридору вагона.

– Марьям! Стой! – Ботагоз испуганно бросилась за ней.

Маленькая девочка отцепила плюшевую игрушку, полосатого тигра, от своего рюкзака.

– Дулат-ага, это тебе еще один подарок на новый год. Этот год тигра же. А это талисман. Тигренок. Он будет тебя защищать от злых дяденек, – покровительственно разъясняла маленькая девочка большому небритому мужчине.

– Спасибо, айналайын! – крепко обнял свою племянницу

Дулат, слезы при этом выступили у него на глазах.

Вглядывался Болат в родное лицо братишки, искаженное гримасой душевной боли, и смутный силуэт расплывался в слезящихся глазах.

Неловко махнув рукой всем, тот, развернувшись, пригнув голову в плечи, побежал.

Провожал старший брат взглядом через грязное стекло вагона сгорбленную от застывшего напряжения, спешащую к выходу, фигурку родного человечка. Вот он неуклюже запрыгнул на перрон и как когда в детстве, беспокоясь о нём, непроизвольно, но теперь уже в мыслях уезжающий воскликнул: «Осторожно».

Дулат, запихнув подаренный талисман, плюшевого тигренка в карман куртки, помчался к матери.

В спешке он забыл о блокировке дверей. На перекрестке его уже ожидали. На переднее сиденье уселся пыльный мужчина и наставил обрез на владельца машины.

Глава 8 – Генералы железных контейнеров

Старики рассказывали, как хорошо раньше жилось в аулах. Как там всего вдоволь было для простого народа. И еды, и досуга, и труда. И роскошные тои там гремели. Сейчас же в аулах ничего не хватало. Ни хорошей медицины, ни

достойной заработной платы, ни развлечений, ничего.

Поэтому уезжала молодежь в города за лучшей долей. Волей судьбы, без высшего образования, без специализированных навыков, лучшей карьерой считалась для них работа на рынке.

Смайлик – это визуальный одеколон. Польщенные Инстаграммами и другими социальными сетями, где показывается успех и счастье, работники рынка, пропахшие уличной едой, пылью, потом, домашними запахами спертого воздуха, гарантированно хотели пахнуть хорошо. Настроенные любой ценой получить одобрение, признание, демонстрировали молодые ребята с окраин города, с аулов друг другу реплики дорогих вещей с лейблами домов мод. На экранах телевизоров, телефонов рекламируются не вещи, а простое человеческое счастье. Всегда показывают одинаково счастливых людей, только в разных случаях это счастье вызвано разными приобретениями. Новая одежда, новая привлекательная и мощная машина. Поэтому человек идет не за покупками, а за этим счастьем. Радостные лица в окружении товаров, вот, что являлось эталоном успеха и счастья. Все они, выходцы с регионов, хотели включиться в эту не прекращающую гонку покупок, постоянных приобретений.

Подражание. Вот что сильно характеризовало аульских ребят. Подражание криминальным авторитетам, успешным

бизнесменам, известным артистам. Они подсознательно стеснялись своего статуса.

Когда-то они посмотрели бразильский фильм «Генералы песчаных карьеров». Фильм захватил их. На экране небольшого ноутбука они увидели себя. Отверженных от огней большого города, ютящихся где-то на задворках жизни. По аналогии с героями фильма они дали себе гордое и горькое название «Генералы железных контейнеров». Потому что работали в железных контейнерах базаров, рынков, строительных площадок, там же и принимали еду, там же и отдыхали. Длинные ряды контейнеров окружали их с утра до позднего вечера. Протяжно пели: «я начал жизнь в трущобах городских и добрых слов я не слышал».

Выкинутые на обочину дороги, ведущей к достатку и успеху, с громкими именами, данными им родителями при рождении, они видели, что были обделены. Единственное, чем их родители в состоянии могли помочь своим детям, вырвать их из беспросветной нищеты: наградить их величественным, звонким или иностранным именем. Именами ханов, правителей, первого президента. Но даже с этими именами чувствовали они себя обделенными.

Видя всю изнанку торговли, они знали, что большинство товаров приходит контрабандой, не декларируются. Кто крышует их, кому принадлежат те или иные доходные участки. Эти знания быстро распространялись среди ребят, рабо-

тающих на рынке.

Каждый мечтал вернуться на рынок, когда станет успешным и богатым, чтобы те, кто не оценивал их, горько пожалели об этом. «Когда я вернусь, у меня будут сильное тело, неукротимый взгляд. Взглянув на меня, всякий сразу поймет, что я из рода сильных мира сего. И у меня будут деньги; я буду праздным и жестоким», – примерно так мечтал каждый работник рынка.

Когда четвертого января начались стихийные митинги, эйфория перемен охватила весь состав трудящихся на рынке.

Пример маленького человека, в общем-то боязливого в своей частной жизни, который стал совершенно бесстрашным, когда вышел на площадь. Когда на Страшном суде городскую интеллигенцию спросят, а что же вы, такие твари все были, все умные, знали и молчали, почему никто не выступал, не писал об этом – они скажут: а у нас был аульский парень, он смелый, он за всех нас выступил.

Среди работников рынка были и те, кто не присоединился к митингующим, а думали только о том, чтобы поживиться в этой суете.

«Слушайте, столько магазинов сейчас без охраны, без ничего. Надо брать», – разъяснял Рустам своим товарищам четвертого января.

Все признавали авторитет и власть Рустама. В их кругах иерархия определяется не должностью, а деловыми качествами и силой характера.

Четверка новых бандитов родилась в январские тревожные дни.

Вышедшие на грабеж в своей массе были не однородны. Не только молодежь. Но и проживающие во времянках отцы, не могущие досыта накормить своих детей, никогда не видевших моря, вышли тоже на мародерство.

Совершая свой уже пятый набег на магазины, банкоматы, маленькая шайка с рынка чувствовала себя уверенно. Вначале еще осторожно, чураясь чужих взглядов, осуждения, они робели. Потом уже почувствовавшие безнаказанность, видя, что власть и полиция безмолвствуют, занята совсем своими проблемами, они уже теперь ничего не опасались.

Эйфория богатства охватила пеструю банду. Никогда не державшие в руках такие большие суммы, молодежь уже строила планы на курорты Турции, которых ни разу не видела. Бедная молодежь по своей недалёковидности, но влекомая жадной тщеславия публиковала фото с последних телефонов с новыми одеждами, гаджетами. Отцы семейств думали о новых одеждах для членов семей, а может даже, если еще разок-другой выйти, то и поддержанную иномарку мож-

но будет взять.

В скором времени банда обзавелась оружием. Его просто раздавали криминальные элементы, преследующие свои цели и управляемые закулисными игроками. Вместе с оружием они получили свободный доступ к алкоголю и запрещенным веществам.

Как скоро прошла трансформация людей за эти суровые зимние дни? От обычных трудяг до грабителей, мародеров. Или сидело это внутри каждого из них и только ждало своего часа?

Но все имеет избыток времени. И хорошее, и плохое. Поэтому, когда органы правопорядка взялись за мелкие группировки, то тесно стало четверке в Алматы.

Никто из этих генералов контейнеров не имел водительских прав и не умел водить. Осматривая осторожно дворы с брошенными машинами, они стучали по лобовым стеклам, ожидая, когда хозяева выйдут с ключами. Но никто не выходил, напуганные и предупрежденные.

Уже дважды их обстреляли сотрудники органов правопорядка. Первый раз, грабя ювелирный магазин вместе с такими же бандами, услышав рядом выстрелы, они бросились в рассыпную. С трудом они нашли друг друга в разграбленном квартале. Во второй раз не обошлось без жертв. Алмаза, самого младшего, ранили в живот.

Кто-то вспомнил, что в Бразилии угоняют машины прям

на перекрестках, когда горит красный свет. Но чаще по улицам проносились боевые машины войск ОДКБ. Одиночные же машины без номеров были наполнены такими же бандитами. Порядочные люди сидели по домам.

Уже потеряв надежду, они заприметили машину среднего класса, которая предназначена для семьи. За рулем ее одинаково комфортно могли чувствовать себя и женщина, и мужчина.

Дождавшись, когда машина остановится на перекрестке, Рустам пробежал к ней и рванул переднюю дверь пассажира. Дулат смотрел на лицо напавшего, впервые встретив бандита, мародера, о которых столько уже пишут, показывают видео

У того взгляд долгий, пристальный. Но какой-то... неземной. Вроде бы унесло за пределы человеческого. И оттуда, из другого пространства, страшно расширенные зрачки пытаются решить проблему. Убить сразу или подождать?

В машину двое участников банды занесли третьего подельника, стонущего раненого. Запахами резкого пота, уличной пыли, крови, и еще чем-то запрещенным наполнился всегда чистый салон машины.

– У меня ничего нет, – резко поднимая вверх руки, произнес сдавленно Дулат.

– Гони, – распорядился главарь, одновременно осматривая бардачок машины.

– Меня мама ждет. Она болеет, – попытался разжалобить водитель.

– Гони, тебе сказали, – помахал снова бандит обрезом.

Дулат, набирая потихоньку скорость, думал о том, чтобы прыгнуть на ходу из машины. Но для этого ему нужно будет незаметно от бандитов расстегнуть свой ремень безопасности. Поэтому от этой затеи он пока отказался. Настраивая себя на лучшее, теша себя надеждой, что бандитов нужно только довести до какой-то точки и вскоре его освободят, он стал медленно и глубоко дышать, стараясь привести нервную систему в спокойствие.

По пути обыскали, осмотрев телефон, который не представлял интереса своей крутостью или новизной, его просто выкинули в окно.

– Слушай нас, братан, – буравя красными от анаши, напряженных дней, глазами, растягивал слова главарь.

– Вывези нас за город и мы тебя не тронем, – продолжил он.

– Мне в больницу надо, – плача, шептал паренек на заднем сиденье.

– Потерпи, братишка. До аула доедем, а там бабка тебя на ноги быстро поставит.

– Мне больно, – продолжал сзади скулить раненный, со-

всем юный, почти мальчишка.

Кровь стекала сквозь сцепленные руки на новенькие, дорогие, украденные джинсы. Находящийся рядом подельник достал из нагрудного кармана черной куртки папиросу, набитую запрещенными веществами, прикурил ее и передал раненому.

Пытаясь затануться, тот сильно закашлял и захрипел. Кровь пузырями выступила на губах, никогда не знавших поцелуев юных девушек. Цепляясь руками за одежды рядом сидящих, он неожиданно сделал глубокий вдох и вытянулся расслабленно во весь свой небольшой рост.

– Он умер! – закричали сзади сидящие, пытаясь хоть как-то отодвинуться от тела в тесном пространстве.

Машина, управляемая водителем – заложником, набитая бандитами и с одним мертвым телом, стала катафалком, несущимся по пустынным улицам Алматы. Слезы, проклятия, молитвы одновременно звучали в салоне.

– Его в морг надо, – плачущий от происходящего, произнес Дулат. Сам же он думал о том, как воспользоваться ситуацией у морга и попытаться сбежать там.

– Останови, – уставившись в одну точку на панели машины, произнес бандит.

Дулат, послушно остановил машину, надеясь, что теперь ситуация поменяется и все мучения закончатся.

– Вынесите его на улицу, – не поворачивая голову, по-прежнему оцепеневший, дал указание главарь.

Двое бандитов послушно, пачкаясь в крови, пыхтя, вынесли из салона неожиданно тяжелого своего маленького товарища. Бережно уложили еще теплое тело паренька на грязную и мокрую дорогу после растаявшего снега. Один из них растерянно, не зная, уместно ли это, стал шептать слова молитвы.

– Рюкзак не забудьте, – встрепенувшись, вспомнил Рустам.

Переворачивая с трудом тело Алмазика, стукнув при этом громко его лицом о твердый асфальт, сдернули рюкзак со спины, набитый деньгами и еще чем-то металлически звенящим в черном пакете. Там лежали золотые цепочки, серьги, которые Алмазик хотел раздарить маме, сестрам и неприступной девушке по имени Айгуль.

Автомобиль с молчаливыми и подавленными людьми, встретившими так близко смерть, набирал ход поскорее и подалеже от мертвого тела, лежащего на дороге.

Притихшие, сзади сидящие сняли обувь и уселись скрестив ноги, чтобы не наступать на кровь на полу. Один из них прикурил папиросу и передал ее своим подельникам. Сладковатый дымок разнесся по салону. От запаха носков, крови, анаши и от всего пережитого Дулату стало дурно. Он открыл окно. Январский морозной воздух ворвался в салон, освежая лицо водителя.

- На, курни, – главарь передал папиросу водителю.
- Не, не употребляю, – покачал головой заложник.
- Курни, я сказал! – зарычал Рустам.

Дулат сделав пару легких вдохов, сосредоточился на руле. Давно не пробывал, последний раз это было еще в студенчестве и помнил он, как на него действует отравы. Поэтому нужно удерживать контроль над дорогой. Вскоре легкая волна эйфории вошла в мозг, расслабляя напряженное лицо и все тело. Время замедлилось. Поворачивая лицо в сторону главаря, видел, как тот неотрывно смотрит на него и довольно улыбается. Дулат в ответ тоже широко улыбнулся. Теперь он не управлял эмоциями. Злость и ожесточение куда-то улетучились вместе со сквозняком. Апатия и опьянение заняли их место.

– Братан, нам нужно свалить из города, – заговорил главарь.

– Все дороги перекрыты, – неожиданно для себя услышал свой ответ Дулат.

«Дурак, нужно было доехать до поста, а там полицейские помогли бы. Реально меня кайфануло. Я теперь что, за них?», – запоздало подумал заложник.

– Это да, это понятно, что все закрыто. Но вот пацаны знают потайные тропы, – продолжил Рустам.

– Да, мы знаем, – сзади поддержали хриплыми голосами подельники.

– Слушай, по-братски, вывези нас из города. Мы тебе бабок отвалим. Не обидим. Домой приедешь, маме лекарства купишь, – заключил главный бандит.

– Лекарства? – спросил Дулат.

– Ты же говорил, что тебя мама больная ждет. Или обманул?!

– Нет, нет, не обманывал я, – испуганно оправдывался заложник, – просто все уже есть дома.

– Не обессудь, по-братски, что так получилось с тобой. Но ты же видел, что с нами произошло. А мы тебя отблагодарим. Отвечаю! – спокойно, стараясь войти в доверие, внушал бандит.

Дулата окружал ужас, но даже здесь, в аду пленения, страх – неизменно лучший компас, ведущий в худшую беду. Поэтому он постарался не поддаваться страху. Да и наркотики уже помогли ему в этом. Расслабленный дурманом, теща се-

бя иллюзиями, что все скоро обойдется, нужно просто помочь, не думая о последствиях, заложник решил следовать указаниям бандитов. Надежда всегда остается в человеке.

Болат всегда говорил про младшего братишку: «впервые вижу человека, который пьяный становится еще добрее, чем трезвый. Видать, правильно говорят, что алкоголь раскрывает нутро пьющего».

И это было действительно так. Дулат, редко употреблявший алкоголь, в опьянении становился щедрым, хохочущим во весь голос, радостным. Любое обидное слово, брошенное в его адрес, проходило сквозь него или разбивалось о стену его доброты. В ответ на обиды он просто говорил: «Ну зачем ты так, друг?»

И теперь, глядя на часы в машине, успокаивал себя, что успеет за час-два обернуться туда и обратно. И тогда мать ничего не узнает. Только машину нужно будет отмыть от крови. А об этой истории он, наверное, только Болату поведаст.

Следуя указаниям бандитов, показывающим дорогу, Дулат совсем расслабился. Как будто выехал на загородную поездку. Когда на проселочной дороге, низкая машина, удобная для передвижения в городе, застряла в сугробах, то Рустам потребовал Дулата показать, как управлять машиной, а сам всех выгнал толкать.

– Вот смотри, это коробка автомат. Нажимаешь только одну педаль и все, машина сама едет, – подсказывал Дулат.

Когда трое, испачканных грязью, снегом и среди них Дулат, вытолкали машину, то Рустам так и остался за рулем. Дулат же ни слова не сказал, уверенный, что скоро все закончится и он вернется за руль своей машины.

Надвигались сумерки. Мокрый от прилипшего снега, Дулат сильно захотел в туалет.

– Останови, пожалуйста.

– Зачем?

– В туалет сильно хочется. По-маленькому, я быстро.

Как только он вышел из машины и не оборачиваясь, интеллигентно подальше от остальных отошел от дороги в сторону заснеженной степи, то тут же сидящие сзади придвинулись к своему главарю.

– Что делать с ним будем, Рустам? Он нас видел, знает, куда он привез, он полицейских приведет, – обеспокоенные своим будущим, шептали бандиты.

Рустам давно про себя уже решил. Одурманенный наркотиками, мозг выдал самое короткое решение.

Это только в фильмах показывают, что стрелять в челове-

ка легко. А на самом деле, даже солдаты, попавшие на войну, первые выстрелы по команде своих командиров по противнику всегда производили мимо цели. Прицеливаясь, видя фигуру, черты лица, все равно брали ствол оружия немного вверх или в сторону, стараясь не попасть в человека. Надеюсь, что противник поступает также. Нормальный человек не может убить. Не захочет взять грех на душу. Это уже потом, защищая свои жизни или мстя за убитых товарищей, проходила трансформация обычных людей в воинов.

Высунув обрез в открытое окно, прицеливаясь в спину Дулата и нажимая на курок, Рустам в последнее мгновение рукой отвел ствол вверх. Стоящий мужчина без звука и каких-либо движений руками, как столб, лицом вниз рухнул на белый нетронутый снег.

Машина, выжимаемая на полную педаль газа, виляя на дороге, уносила от места преступления.

Глава 9 – Визири

Несколько высокопоставленных человек встретились для беседы. Место встречи, время, да и само это событие были тщательно скрыты от посторонних глаз. Если бы узнали об этом, то не поздоровилось бы никому из присутствующих. В лучшем случае были бы сосланы послами в страны третьего мира, а в худшем, то никто не хотел даже загадывать себе.

Что отличало их от простых обывателей, что они в зависи-

мости от ситуации в равной мере обладали избыточной подвижностью позвоночников, волчьими аппетитами, слепотой подземных кротов, подвижной моралью. Эти качества, скрытые под интеллигентное человеческое обличие, помогали продвигаться по карьерной лестнице. Спортивен, начитан, имеет традиционную политическую ориентацию, хороший семьянин. Такую общую характеристику имел каждый из них.

Но все они прошли через предательство, через душегубство, свое и чужое. Многих им пришлось убрать, стоящих на своем пути. Всех сопровождала каждодневная суета и маета, дружба не с теми, кто тебе приятен, а кто полезен для дела, одним словом, они занимались политикой.

Расправляясь с соперниками, они все равно не чувствовали себя победителями. Создавая временные союзы, возвращались по своим лагерям они после победы над равным себе, лелея мечту возвыситься над всеми остальными царедворцами.

Власть – вот что они ценили наравне с жизнью, а может быть, и больше.

Жизнь – это беспощадная борьба между людьми за власть и богатства. Все подчиненно суровым законам природы, мироздания. Молекулы, из которых состоит любой жизненный организм и которые постоянно в движении, бьются друг о друга, соединяются, делятся, определяют и природу челове-

ка. Кто отрицает это – тот наивный глупец. Кто принимает это, тот будет иметь стержень на всю жизнь, у того не будет сомнений в своих поступках. Войну надо вести по-настоящему, или ее совсем не вести. Середины тут быть не может.

Сидящий во главе стола когда-то услышал восточную мудрость, что люди по своей человеческой природе не могут заниматься таким грязным делом, как политика. И человек, ставший на путь политика, должен взять себе, как тотем, какое-либо животное. Которое отражало бы настоящую сущность путника. И с которого можно копировать поступки и черты характера. И которому можно будет присуждать все плохое, что есть за гранью человеческого. Чтобы было поменьше душевных терзаний. «Это мой тотем, мое животное, а не я так поступаю, но я так должен, потому что я политик». Так можно объяснять себе поступки, которые нарушают вековые заповеди.

Другой мудрый человек две тысячи лет назад кратко сказал об этом: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу».

Поэтому мужчина, давно выбравший енота, как свое тотемное животное, себя не терзал муками сомнений. Не раскрывавший своей тайны никому, он по долгу своей службы все равно знал, что его так и прозывают между собой: «енотом». Потому что он мог непрощено входить на другие территории, по-хозяйски распоряжаться запасами, устраивать в

чужих жилищах бедлам и хаос. Это право он получил вместе с должностью и властью, которая не считалась с какими-либо нормативно-правовыми ограничениями.

Про своего патрона енот думал, что тот знает об этой мудрости и давно выбрал себе животное, с которого он копирует правила поведения. И скорее всего – это «дракон». Потому что это самое сильное, коварное и хитрое животное. Наблюдая за своим шефом, он видел, как тот объявлял, что он стар, что болен, что собирается на покой. Как немощный дракон устало залегает на дно водоема, затихая обездвиженный, так и патрон создавал вокруг себя атмосферу своей слабости. И как только остальные животные, веря в эту чушь, пытались подобраться поближе, чтобы укусить, причинить вред немощному и беззащитному, то притворявшийся до этого дракон внезапно обретал скрываемую мощь, и расправлялся с врагами. Так было и в жизни.

Первым на правах хозяина взял слово «енот».

– Люди обычно разрушают себя, и весь род человеческий занят этим же. Подстрекать людей к глупости или распаду не нужно. Большинство и так прекрасно с этим справляется. Что мы видим сейчас на примере, творящемся за окном. А мы должны сидеть, откинувшись и наблюдать.

– Как говорят европейцы: «За богатым стоит один дьявол, за бедняком – два». Пусть неимущие устраивают смуту, –

поддержал второй.

Этот второй источал твердую уверенность в завтрашнем дне, причем ждать этот самый завтрашний день начали еще с момента занятия близким родственником одного из высоких постов в стране, а уверенность только копилась со временем и с увеличением капиталов. Его детство прошло на фазенде с видом на Заилийский Алатау. Не привыкший бороться, ему доставалось все легко, стоило только упомянуть фамилию. Не приходилось бороться за место под солнцем, выходить на ристалище. Поэтому не обладал он бойцовскими качествами, не было у него шрамов от битв, как у остальных присутствующих. Не заслуженно он имел не принадлежащее ему. Просто окидывал он своими прищуренными глазами округу и накладывал хозяйскую руку на все, что ему нравилось. Поэтому его в узком кругу так и называли между собой «маркизом Карабасом».

«Енот» относился к «маркизу» со скрываемым презрением. Если бы не родственная близость, разорвали бы того волки, привыкшие преследовать и грызть. Сам «енот» прошел трудную и полную битв жизнь, которая оставила зарубки и шрамы, вытравив многие положительные душевные качества. Если ты долго существовал в модели «либо ты, либо тебя», покой мало интересует тебя, да и невозможен. Кожа тотемного животного со своими инстинктами, повадками давно въелась в тело человека, искореняя гуманные ка-

чества.

– Этот мир – царство грабителей, а другого нет. Поэтому нужно захватывать все то, что ты считаешь нужным, и лучше всего это делать, сидя у власти, – так безопаснее, – продолжил «енот».

– Да, но власть наша по всем признакам становится временной. Что предпримем? – осторожно спросил «маркиз». Боязнь перехода к действию определяло поведение «маркиза». Он только тогда был смелый, когда за ним стояла фамилия, нукеры.

– Тот, кто ни разу не испытал экстаза, вызываемого предательством, не знает, что такое экстаз, – глядя в глаза каждому, наконец-то произнес «енот» так ожидаемую всеми собравшимися, фразу.

Он был лишен человеческой боязни, потому что давно сроднился со своим тотемным животным. Боязнь всякой реальности, всякого реального события, всякого реального насилия, всякого слишком реального наслаждения. Этих страхов он давно не испытывал.

– Слабые люди – это слабые люди. Они все время спрашивают: «А что еще с нами сделают? А не случится ли чего? Защитите нас, пожалуйста, от реальности. Мы не хотим ничего знать про страшное, плохое. Мы не хотим ничего решать», –

«енот» выдавал присутствующим свое знание жизни.

– Право решать и определять мы должны оставить за собой. Иначе нас уберут, – подвел итоги встречи «енот».

«Заговор». Эта мысль пронеслась по всем присутствующим.

Знал енот, хитрый и бесцеремонный, что в схватке, разворачивающейся на улицах, не нужно участвовать, а только счет вести. И тогда лавры победителя будет примерять посторонний, а не кто-то из противоборствующих сторон.

Но не предполагал он, что в скором времени в камере следственного изолятора друг на друга будут смотреть два Казахстана. Прошлый – теперь побежденный, замкнутый, еще не верящий, что его время прошло. Новый Казахстан – победный, совершенствующий и строго задающий много вопросов. И сам он неожиданно для него самого окажется в камере вместе с другими представителями прошлого Казахстана и будет подозреваться в особо тяжких преступлениях.

– Что же ты гад такой, Иуда, совершил предательство, так подло нож в спину всадил? – задаст такой вопрос следователь некогда всесильному «еноту».

– А вы понимаете, что ключевым персонажем христианской религии есть предатель Иуда? Ведь не будь Иуды, то не

было бы и распятия, а без распятия не было бы и христианства, – ответит тот хитро, примерив шкуру своего тотемного зверька, чтобы навести своих следователей на мысль о снисхождении.

Но добавит все равно предупреждающе: «Теперь дивиденды достанутся вам, победителям. Празднуйте. Но знайте, что в любом поражении есть скрытая победа, а в любой победе – скрытое поражение».

Глава 10 – Потери

После того, как вечером младший сын не вернулся с вокзала, Мухлиса, надеясь на какое-то чудо, позвонила Болату: «Дулат не с вами?»

Весь вечер и всю ночь простояла у ворот старая женщина, чутко прислушиваясь, ожидая звук подъезжающей машины или шагов возвращающегося сына. Иногда она выходила вперед по дороге, думая, что вдруг его машина сломалась или не дай Бог, Дулатка ранен и теперь не может прийти до дома.

Но он совсем рядом, тут недалеко осталось, поэтому нужно пойти ему навстречу, помочь ему, – так думала она.

Шла и шла она, оглядывая серые тени на дороге, напоминающие человека.

На утро, постаревшая за ночь, с резко очерченными мор-

щинами, пожилая женщина пешком вышла в город.

Никто из соседей, ночевавших и кормившихся в ее доме, не попытался помочь ей, стать сопровождающим в опасное место, которым стал город. Стыдливо пряча глаза, только пожелали скорейшего возвращения Дулата.

Не рассматривая разбитые витрины, сожжённые и обстрелянные машины с пятнами крови на передних сиденьях и стеклах, выкорчеванные банкоматы, плотно сжав губы, она шла только по известному ей маршруту, не обращая внимания ни на что.

Заходила она в больницы, выискивая среди всех поступивших без документов родное лицо. Шептала спасительные молитвы, переступая через пороги морга. Хватала за руки прохожих, спрашивая и показывая фото, не видал ли кто ее сыночка.

Что она ела и пила в эти дни, как и где проводила зимние холодные ночи одному Богу только известно.

Она вернулась в пустой дом. Опустошенная, с невыплаканными глазами. В тоненькой сгорбленной старушке вряд ли кто бы теперь узнал полную сил, гордую и надежную Мухлису, которой она была всего лишь пару дней назад.

Одновременно в дом потянулись пожилые соседки со своими гадальными картами, камнями, завернутыми в платок. По всем предсказаниям выходило, что жив Дулат, жив и ско-

ро вернется. Но ранен. Указывали даже места, в которых он лежит не совсем здоровый, но живой.

Вскоре приехал Болат.

Здоровье и покой Мухлисы пошатнулись за дни, проведенных в городе, среди десятков раненных, погибших, в которых она искала своего сына. Ранее всегда ухоженная, с красиво и аккуратно уложенными волосами, теперь же она растрепанная, постоянно плакала и молилась.

Самый тяжелый труд на земле – это молиться. Все страхи обнажаются при родительских молитвах. За каждым еле слышным чихом и чуть начинающим кашле ребенка скрыты все материнские опасения.

Мухлиса, когда дети были совсем маленькими, шептала все молитвы над ними, прося Бога уберечь детей от бед, болезней. Теперь она обращалась к Нему только с единственной просьбой: вернуть Дулата домой.

Не остановить поток слез, не осушить море горя, который вошел в душу и сердце матери, потерявшей сына.

Душевное и физическое здоровье матери в днях ожидания, отсутствии новостей становилось все хуже.

Громко она спрашивала любого входящего в их дом: «Где мой сын? Ты привел его?»

Болат, взяв месячный отпуск, целыми днями проводил на телефоне, ожидая вестей. Благодаря своим связям, попадал

на прием к ответственным сотрудникам правоохранительных органов, государственных учреждений. Везде измученные, нервные, но уважающих тех, кто просил за Болат, люди в погонах и без, обещали сразу дать информацию, как только что-то появится.

Сам же он посещал морги, осматривая не востребованные тела, среди трупов с разорванными черепами, травмированными лицами, выглядывал знакомые признаки. Заходил в больницы, в бесчисленных палатах смотрел на лежащих без сознания. В следственных изоляторах смотрел списки задержанных, проходил вдоль камер и решеток. Часами просиживал у мониторов в помещениях органов правопорядка, просматривая оперативные съемки с мест событий.

Нигде не находил он брата.

Еле передвигающая ноги, медленная старушка вечерами готовила ужин для Болата, ожидая его с города.

Сидя за молчаливым столом, принимая пищу вдвоем, смотрели они на пустой стул, который всегда был закреплен за Дулаткой.

Из младших детей в семье обычно получают отличные комики или прилежные воспитанники. Когда ты младший за обеденным столом, единственный способ привлечь к себе внимание – это хорошо шутить или демонстрировать свое прилежание, чтобы получить порцию одобрения.

Маленький Дулат всегда смешно, показывая в лицах, пересказывал ситуации, пародируя соседей и знакомых. Смеясь, мама и Болат просили еще раз повторить только что услышанные истории.

Теперь же безмолвие и тоска стало гарниром в пресных приготовленных блюдах.

Болат винил себя за малодушие, что не взял в охапку все семейство, включая маму и Дулата, не вывез всех. Когда ехали на поезде в Нур-Султан, покидая Алматы, видел он, что есть свободные места в вагонах.

«Нужно было всем вместе доехать до вокзала на машине, оставить ее там, а самим, используя мамины деньги, взять места для всех», – так он мысленно проговаривал себе много раз.

Глядя на горящую мать, не находил он себе места, все ходил и ходил по двору.

Все чаще и чаще он прикладывался к бутылке, используя алкоголь, как успокоительное и снотворное.

Никогда Болат до этого не убегал от проблем, принимая встречный ветер перемен прямо и стойко, не пригибаясь. А тут он надломился.

Взрослый, битый жизнью, мужчина осознавал, как сильно дорог ему младший братишка и мать. Не имея возможности поменять ситуацию к лучшему, подарить матери спо-

койствие, вернуть Дулата домой, искал он успокоение в алкоголе.

Сон алкоголика дерганый и не спокойный. Потный, просыпаясь, оглядывался по сторонам взрослый мужчина, удивленно обнаруживая, что спит один в гостиной комнате мамино дома, а время на часах обычно показывало четыре утра.

Беззвучно, проходил в мамину спальню, прислушиваясь к ее дыханию, беспокоясь о ее сердце.

Также тихо проходил на кухню, доставал из холодильника початую бутылку коньяка. Наливал себе в рюмку и залпом опрокидывал, с трудом сдерживая приступы тошноты. Только так можно было отойти от ночных кошмаров, которые приходили во взволнованный тревогами и увиденным, разум старшего брата и сына. После того, как пустой желудок принимал первую порцию алкоголя, приходило успокоение. После этого можно уже было достать нарезанный сыр или яблоко. Теперь уже не спеша, потягивая коньяк и слегка закусывая, он строил краткосрочные планы.

Позвонить, узнать, съездить, напомнить, ждать.

К этому свелась активность Болата. Только судьба Дулата беспокоила его.

С работы звонили, беспокоились о нем, уважая его статус и положение в обществе.

В день по несколько раз звонили Ботагоз с детьми. У детей

началась учеба, у супруги работа, поэтому семья не могла быть вместе с мужем и папой.

Болат, выросший без отца, в итоге стал трепетным родителем. Помимо ежедневных забот, обязательными для него были совместные походы в выходные дни с детьми в торгово-развлекательные центры с посещением кинотеатров, аквапарков. Понимая, что материальное может быть временным, больше всего он ценил беседы с детьми, развитие в них наблюдательности, логики, задавал им жизненные задачи и ждал ответов.

– Вот смотрите, семейные пары, где есть дети в колясках, именно папы толкают коляски, а не мамы. Я не говорю, про матерей – одиночек, я говорю именно про семьи. Почему папы толкают коляски? – гуляя по крупному центру, задал однажды папа вопрос детям.

– Потому что коляски тяжелые, – недолго думая, выдала старшая дочь Динара.

– Чтобы мама не отвлекаясь, могла смотреть по сторонам на вещи, которые хочет купить, – второй сынок, мамин любимчик, Мурат произнес свою версию

– Потому что папе приятно нянчить детей, – Марьям улыбаясь, довольная, обнимала отца.

– Правильно, мои жанимки, – счастливый Болат хвалил своих сообразительных детей.

– А какая твоя версия? – спрашивали дети.

– Я думаю, что для мужчины детская коляска – это своеобразное знамя и девиз. Никто не может существовать без своего знамени и девиза. Поэтому папы так гордятся своими статусами заботливых отцов и несут его впереди себя на вытянутых руках. Главное – помнить об этом всегда.

Полная семья во главе со своим знаменосцем, счастливым Болатом, смело шли навстречу жизни.

Теперь же разговоры по видео-звонку крутились по одному замкнутому кругу.

Ты в порядке? Как дела в школе у вас? Как бабушка? Папа, не пей.

Ботагоз ужаснулась, какие последствия имели январские события не в масштабах страны, а для ее отдельно взятой семьи. Потерялся братишка мужа, свекровь сильно заболела, сам муж стал спиваться.

С первого дня знакомства ей понравился Болат. С ним было интересно и весело. Подтянутый и представительный, он пользовался авторитетом среди окружающих. Хоть и не был богат, не имел влиятельных родителей и родственников, но говорили взрослые и подружки, что если взять его в оборот,

то он далеко пойдет. Только многочисленные тетки предупреждали ее: «не выходи замуж за безотцовщину». Не догадываясь, почему это так важно в семейной жизни, юная, она задавала вопросы и матери, и взрослым родственницам.

Одна близкая, успешный психолог в Алматы разъяснила ей:

– Никто не может быть счастливым в одиночестве. Вспомни себя в моменты счастья, Ботагоз. Кто был рядом в эти мгновения? Кто дарил тебе счастье? Близкие, друзья, родители, парень, может быть.

Жена может быть счастливой только с мужем. Если убрать эту единицу в виде мужчины, то женщина спроецирует свое счастье на детей. И невестка в таких семьях в большинстве случаев рассматривается свекровью, как похитительница счастья, а не дополнение к нему. Отсюда и недовольство невесткой, придирки к ее стряпне, уборке.

У нас, у казахов, в массе своей, невестка рассматривается в семье супруга, как функция: прислуга, которая к тому же должна выносить и родить здорового наследника. Чувства молодого мужчины, то есть сына, даже не берутся во внимание.

– Ну Вы прям все черных тонах так расписали. С такими взглядами даже замуж вообще не охота.

– Я профессионал, девочка моя. И видела много разбитых семей.

– А как же любовь? Которая преодолевает все преграды.

– Брак – это не супружеское ложе, а сидят рядом локоточками друг к другу муж и жена, уплетают домашний ужин, рассказывают друг другу истории, воспоминания.

Расставаться с перспективным, одновременно чутким и добрым, парнем ей не хотелось. Как только Ботагоз почувствовала, что Болат вот-вот готов сделать ей предложение, она приступила к осуществлению своего плана.

Жаркие ночи с вдохами, вот где женщины чувствуют полную свою силу над мужчинами. Расслабленный Болат, любясь обнаженной точеной фигуркой своей девушки, лежал довольный своей судьбой. Вот именно в эти моменты и можно вить веревки из любого мужчины, хоть стального.

– Буля, – со всей любовью, добавляя нотки капризности, склонила свое лицо Ботагоз над лицом своего избранника, покрывая его своими истинными черными волосами.

– Что, Бота? – смеясь счастливый, спросил Болат.

– Ты знаешь, мои сестры, когда вышли замуж, живут отдельно от родителей.

– И?

– Просто.

Встав с кровати, как и есть голая, она ушла в другую комнату, где громко включенный телевизор должен был гасить

звуки из спальни. Через короткое мгновение Болат побежал за ней.

Вот так, дразня и маня, используя свою красоту, как оружие, Ботагоз управляла своим мужем. Постепенно отводя его из старого круга, она больше притягивала его в свою семью.

Теперь же Болат удалялся от супруги не только по расстоянию. Всегда чуткий, с интересом выслушивающий все новости и события, надежный партнер, в настоящее время его ничего не интересовало, кроме судьбы брата и матери.

В зрелом возрасте, для многих грозный и требовательный Болат Серикович, в итоге внутри он все-таки остался тем же маленьким Болаткой, который, как мог своими еще тоненькими ручками помогал маме в ее домашних хлопотах и нянчился с младшим братишкой. Забирал Дулата с садика, когда мама задерживалась на работе и развлекал его сам, чтобы тот не плакал без мамы.

Все мы выросли из детства, и главное – это вынести оттуда это не память о болях, а гордость за себя.

Глава 11 – Друг

Нурлан строил свой Проект. Именно так, с большой буквы, Проектом называл он свое детище, которое могло бы

подвести итоги его бурной деловой деятельности. Производство, которое он задумал, было масштабным.

Нурлан имел свои слабости и недостатки и, безусловно, совершал ошибки. Но не они определяли его лицо. Больше всего он любил свободу и ему не нравилось, когда его пытались ограничивать.

Поэтому, зная реалии ведения бизнеса в стране и уверенный в том, что нечистоплотные чиновники с контролирующих и государственных органов захотят поживиться за его счет, для себя решил, что ни копейки не будет платить. Видел он, как другие бизнесмены строили такое же производство, как и его, но гораздо малое в масштабе и при этом нарушали необходимые требования, чтобы сэкономить свои расходы. И тем самым попадали на крючок к непорядочным чиновникам и сотрудникам правопорядка, которые должны были строго следить за соблюдением закона, но в итоге прикрывали глаза на нарушения за регулярные отчисления, становясь «крышей».

Для этой цели Нурлан не жалел денег. Пусть будет дорого, но зато честно. Самое современное зарубежное оборудование, прошедшее все возможные экспертизы и имеющее международные сертификаты, было закуплено для Проекта. Соблюдение техники безопасности, норм и правил ведения опасного производства должно быть на самом высоком уровне.

Когда до умов желающих поживиться дошла задумка бизнесмена, что не хочет он делиться, что не обломится никому даже малый кусочек масштабного пирога, то придумали те хитроумный план.

Как и положено, перед началом грандиозных строек устраиваются общественные слушания. В которых местные жители знакомятся с проектом, оценивают влияние на регион в плане занятости населения, экологии и других аспектах.

Дошла информация до Нурлана, что на слушаниях собираются «прокатить» местные жители с его Проектом. Более того, нанятые блогеры во всю ведут кампанию по дискредитации его и его детища. И за всем этим стоят алчные, нарушающие закон и порядок, люди.

Думают они, что бизнесмен постарается перекупить местных жителей и диванных экспертов. Вот где спотыкнется идущий. Значит, все-таки он готов делиться и платить деньги. Значит смирился он и примет их правила игры. Где самым главным требованием было – хочешь войти на нашу поляну, то надо платить.

Со смехом пересказывал потом Нурлан своим близким и друзьям итоги слушания, кратко резюмируя своих оппонентов словами сатирика Михаила Задорнова: «ну тупые».

Когда самые скандальные местные жители, вставали с

критикой, что не нужен их краю Проект, не нужно нарушать мирный покой граждан шумом производства, нарушена будет флора и фауна. То Нурлан, зло оглядывая самых ярких горлопанов, чеканил каждое свое слово.

– Саке, тебя все в крае знают, что ты печешься о родной земле, о каждом тушканчике и суслике в степи. Так вот, на твои голословные обвинения хочу показать заключение международных экспертов и подтвержденное нашим министерством экологии, что в этой местности, кроме змей, никого нет. Лисы и кабаны, как ты говоришь, последний раз попадались только на глаза нашим далеким предкам. Сайгаки, которых ты упоминал, выбирают места с твердой почвой из камней или глины, чтобы было удобно бегать. Оглянись вокруг. Где ты видишь твердую почву в этом болоте? Ближайший путь их миграции и места сезонной концентрации находятся в трехстах километров отсюда, что подтверждено снимками со спутников.

Еще об экологии. Фильтры, которые будут установлены на Проекте, не во всех странах Запада еще используются, только в Японии. Там мало земли, поэтому они знают, что значит близкое расположение объектов тяжелой промышленности рядом с людьми. Опасных выбросов не будет, верьте мне, люди.

И напоследок. О каком покое печешься ты, еще не старый Саке, а? Тебе до пенсии еще далеко, но ты уже несколько лет

не работаешь, только ходишь, критикуешь все вокруг.

А на Проекте планируется создать более ста рабочих мест. И большинство из них будет из вашего поселка. Около ста местных семей будут обеспечены регулярной зарплатой. Не надо будет твоим дочерям ездить в город на работу, рано вставать и поздно приезжать. В обед будут успевать приходиться домой, чтобы накормить и напоить тебя чаем. А хочешь, в столовой Проекта питайся. Работы для всех на Проекте хватит. В хозяйственную часть тебя возьмем. Вот где пригодится твой строгий надзор.

Притихшие местные жители с вниманием слушали бизнесмена. После его выступления короткая тишина установилась в зале, которая была нарушена громкой затрепачиной по затылку Саке, вlepенной кем-то из соседей. Одобрительный смех разнесся по залу.

Не профессионализм – вот главная болезнь современного общества.

«Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник», – сказал много лет назад баснописец Крылов.

Критика в обществе начиналась сразу с опубликования новых кадровых назначений. Разве он может руководить, управлять, если у него нет профильного образования, нет

опыта работы в занимаемой им сфере? Так думали многие, читая биографию новоиспеченных кадров.

И знали они, что не каждый возвышался на своих постах, благодаря профессиональным заслугам, а только благодаря оказанным услугам. Потому что сами проходили через это.

Недовольство непрофессионализмом в быту наблюдалось же каждый день, на каждом шагу, начиная с похода в поликлинику, где ставили неправильные диагнозы и лечили не от того, чем заболел и заканчивая техническим обслуживанием автомобилей.

Только таксистов не коснулась эта пандемия безалаберности. Всевозможные приложения не давали отклониться от четко начертанных маршрутов и времени прибытия.

Но страшнее всего, что к непрофессионализму практически в каждой сфере стали привыкать. «Ай ладно», – стало постоянной присказкой разочарованных.

Только традиционные тои, где все старались превзойти друг друга в роскоши, демонстрации успеха, продолжали доминировать над всеми отраслями и преуспевать в своей модернизации. Но многие современные люди до сих пор не понимали: зачем писать в пригласительном начало торжества в шесть часов вечера, если все знали, что в итоге свадьба начиналась не ранее десяти?

Глава 12 – Встреча

Как обычно, яркой алматинской весной, когда уже всюду зеленеет город, жители и приезжие потянулись на «летники». Под тенью деревьев уютно расположились столики кофеен, пивных.

Нурлан, прилетевший в бизнес столицу сразу после чиновничьей Астаны, как всегда, отмечал для себя, что совсем другой дух здесь царит. Дух свободы, труда и праздника.

В Астане по приглашению министерских чиновников он который раз уже озвучивал значимость Проекта для Республики. Он все никак не мог привыкнуть к имени столицы, по-прежнему называя главный город страны Астаной. И на этой встрече всегда внимательные и бдительные чиновники, которые еще в прошлом году вежливо его поправляли, теперь уже не обращали внимание на то, как провинциальный бизнесмен называет столицу.

В Алматы он прилетел для того, чтобы выполнить несколько дел. Первое и самое главное – своему Проекту он искал управляющего директора. Некоторые влиятельные знакомые пытались навязать ему свои кандидатуры, но таких он сразу отшивал. Через рекрутинговое агентство он выбрал несколько кандидатов. И все они проживали в Алматы. Чтобы увидеть их, провести отбор, он решил сам прилететь в южную столицу.

Второе дело, но тоже важное для него самого, для душев-

ного здоровья, психологического настроя – это ему необходимо было развеяться, отойти от ежедневной текучки, прогуляться, немного покутить в этом располагающем для всего, гостеприимном городе. «Прогуляться по буфету», – так кратко, смеясь характеризовал он свой загул.

Как бывший спортсмен, успешный боксер, он знал, что умелый отдых и восстановление играют тоже важную роль в поддержании формы. Поэтому отдыхать нужно, не дожидаясь усталости, не когда придет чувство загнанной лошади, а своевременно и регулярно.

Зайдя в одно из своих любимых заведений, он по привычке выбрал место в глубине зала. После первого глотка свежего пива он стал оглядывать пока еще немногочисленных посетителей респектабельного, но в то же время лишённого гламура и блеска, заведения. Интерьер, разработанный модным дизайнером, не бил в глаза лишними декорациями. Днём было уютно, а вечером весело. Алматинский формат успешных заведений. Здесь обычно проводили время удачливые бизнесмены, медийные персоны под простую еду и живую музыку.

Рассматривая зал, он заметил знакомый профиль. Мужчина у окна, задумчиво смотрел на улицу, иногда прикладываясь к темному напитку, наливаемому в рюмку из полного графина.

Нурлан, найдя в телефоне знакомый номер, скинул: «по-

смотри вправо». Получив сообщение, пьющий в одиночку, вначале нехотя взял телефон, который оторвал его от мыслей, теперь же вострепнулся и стал радостно оглядывать зал.

– Нурлан!

– Болат!

Двое крепких мужчин вышли навстречу друг другу и не сдерживая эмоций, тепло и радостно поздоровались посреди зала, на виду у всех.

Нурлан потянул Болату к себе за столик. Взаимное уважение и теплота искрились в радостных глазах обоих.

– Как ты, Болат?

– Как ты, Нурлан?

Перебивая друг друга, почти одновременно спросили они и радостно засмеялись ситуации.

Все это время на них смотрел парень славянской наружности, о чем-то размышляя. Наконец решившись, он подошел к двум довольным мужчинам.

– Извините, что прерываю вас, уважаемые! Можно вас беспокоить?

Когда тебя переполняет радость, ты готов поделиться ею с окружающими. Поэтому оба улыбающиеся с интересом обратили свои взоры к подошедшему.

– Не вопрос, земляк.

– Можно я присяду?

– Конечно.

– Знаете, я приезжий, не с Казахстана вообще. Планирую здесь оставаться. Сам я блогер. И пишу теперь про вашу страну, про людей. Меня охотно читают и все интересуются вашей культурой, взаимоотношениями внутри. Многие хотят приехать и остаться жить. Вот увидел, как двое взрослых мужчин так открыто радуются друг другу. Хотя мне говорили, что азиатские мужчины сдержанные по природе своей. Наверное, они ошибались?

Болат с Нурланом переглянувшись, с удовольствием рассмеялись над наивным парнем и над его вопросами.

Нурлан развернувшись к пареньку, начал объяснять.

– Мы курдасы.

– А? – недоуменно оглядывая обоих, спросил парень.

– Курдас – это переводится на русский, как «ровесник», «одногодка». Но не просто, родивший в один год. Это более глубокое значение имеет. Мы, казахи, большое значение

придаем этому, можно сказать, сакральное. И дружба среди одногодков у нас особая, трепетная.

Мы же кочевники, на одном месте не сидели, дома не строили, зависели от скота, от подножного корма для него. Постоянно мигрировали. А природа суровая не только в зимние времена. И засухи были в летние периоды. Если скот погибал, голод царил тогда в Степи. Аулами вымирали. Что уж говорить тогда про детей, младенцев. Поэтому старались большие семьи создавать, по десять детей, в среднем. Но немногие из них выживали.

И еще наши далекие предки установили, что на Землю, на природные процессы очень сильно влияют другие планеты, они вызывают изменения климата и влияют на людские судьбы, человеческие события. И тогда азиатские народы создали двенадцатилетний календарный цикл, исходя из движения из оборота планет вокруг Земли.

Представь себе, земляк, каждые двенадцать лет изменения повторяются, но с вариантами! Все воспроизводится заново, все возвращается! Возобновляются и события: удачные и неудачливые годы, нужда и изобилие, войны и праздники, ибо основным принципом календаря является Циклический Повтор!

Этот календарь сформировал мироощущение кочевника, культуру взаимоотношений. Это понимание того, что добро, совершенное человеком, непременно вернется вознаграждением, если не ему самому, так его потомкам. Время, возвра-

щаяся в новом круге, возвращает и некогда совершенное зло, создавая карусель поступков, несущих беду.

И потому карма, созданная человеком, не заканчивается его жизнью, а продолжает свой путь и предопределяет жизнь потомков!

Поэтому мы, по-особенному, радуемся своему другу, именно ровеснику. Потому что он выжил в суровых степных условиях. И потому его судьба будет похожа на судьбу его одногодков. И мы стараемся такого друга оберегать, и тогда духи ушедших предков будут и нас защищать.

Так закончил свою лекцию довольный Нурлан.

– Спасибо большое вам! Я сейчас это в своем блоге опубликую. Как интересно, Циклический Повтор у целого народа, – зачарованно повторял приезжий.

Двое мужчин задумчиво проводили взглядом парня.

– Много их сейчас к нам прибывает, – заметил Нурлан.

– Жалко их, – выдал Болат.

– Да, им сейчас нелегко. Как при разводе родителей, их заставляют молчать. Говорить не о том, что думаешь.

– Да, они, как пациенты психологических клиник. Как больные с расщепленным сознанием не могут высказываться. Это трагедия для народа.

– Расщепленное сознание? Откуда это у тебя? Раньше я не слышал такие медицинские термины от тебя, – подозрительно спросил Нурлан.

– Ладно, потом расскажу, – отмахнувшись и за улыбкой прятая свою боль, ответил Болат.

– Давай выпьем, – предложил Нурлан, все еще не отводя внимательного взгляда от собеседника.

«Ой не зря он пьет в одиночку. Медицинское слово новое в его лексиконе. Раньше обычно от него только экономические и политические термины можно было услышать», – так думал Нурлан, одновременно подмечая резкие черты лица и удобу друга.

Принесли закуску. Жаренная дымящаяся картошка с луком, разносолы, алматинские домашние компоты, черный хлеб. Сочный шашлык был уже на подходе. Все располагало для длительного и приятного застолья.

– Как домашние, как мама? По Дулату новостей нет? – участливо спрашивал Нурлан.

– Домашние нормально. Мама... – вздохнул Болат. – Новостей нет.

– Все будет хорошо. Надо верить, – передавая больше глазами уверенность, чем словами, постарался ободрить старый друг.

– Да, надеемся. Спасибо тебе за помощь! Твои знакомые, которых мне ты посоветовал, занимаются поиском. Звонят мне постоянно.

– Найдут, – уверенно повторил Нурлан.

– Расскажи о себе, что ты, как ты? Много новостей про тебя идет, про твой Проект. Есть результат уже? – увел беседу на другую тему Болат.

– Когда становишься старше, тебя больше мотивирует процесс, чем результат. Я весь в деле, в заботах, усталый, иногда больной, но счастливый, – довольный бизнесмен поделился своим открытием. – Никакого признания мне не нужно. Успешность измеряется не деньгами или отношением окружающих, а исключительно тем, насколько ты рад и счастлив.

– А давай ко мне, – продолжил Нурлан, – бросай государственную службу. Не масштаб области, конечно, но гораздо интереснее.

Болат, чуть усмехнувшись, ответил:

– Спасибо тебе, конечно! А то чиновников не охотно берут в современный демократический бизнес. В нашей псевдо-бизнес среде, где все завязано на госзаказах, они там нужны только для лоббирования интересов, чтобы используя связи, можно спокойно заходить в высокие кабинеты и им доверяя, там бы озвучивали цену вопроса. Чиновник, попадая в настоящий бизнес, теряется. Как это: не использовать

административный ресурс? Как это: строить долгосрочный план развития? Мне подавай сразу и сейчас дивиденды.

– Да, это так, – рассмеялся бизнесмен.

Оба старых друга, смеялись, удовлетворенные тем, что одинаково мыслят.

– Смотрю, по-прежнему, боксом занимаешься. Это для чего? Чтобы быть в форме? – искренне продолжал расспрашивать Болат своего старого друга об его увлечении.

– Нет, это страсть и сейчас уже как награда. График уже другой, ритм жизни другой, ответственность другая, и я себя награждаю. Мы в данном возрасте сейчас на пике своих сил находимся. Время у нас ограничено. Скорость жизни ускоряется и после сорока ты не успеваешь отрывать листочки календаря. А так хочется притормозить, хоть чуток остановиться, вздохнуть, оглянуться. Но, увы...

– Да, ты прав. Как только мы добиваемся, наконец, ясности мысли, силы разума и что-то начинаем уметь и знать, знать и понимать – нас отвозят на погост. Нас убирают как опасных свидетелей, которые слишком много знают.

– Болат, не смей жить по принципу каких-то отрезков своей жизни. Вот мы придумали: до тридцати это успеть, до сорока пяти то успеть, какие-то отсечки делаем. И когда достигаем отсечки, начинаем меланхолии поддаваться.

Я не верю в возраст. Я верю в вечное движение следом

за солнцем. Кажется, только теперь я по-настоящему знаю, кто я.

– А общественное, государственное? Ты не думаешь о социуме?

– В Норвегии и в Швейцарии люди не собираются покорять Луну. И живут себе, живут благополучно и счастливо. Не верю я в эти прожэкты, что с высоких трибун озвучивают. Жить надо для себя и для семьи. Это в тебе еще пока чиновник сидит. Но я очень рад, что ты из немногих, у кого есть государственное мышление.

Сейчас – в этот удивительном возрасте, когда мне больше не надо никому ничего доказывать, – я начал считать свою жизнь чертовски комфортной. Свободный человек должен объяснять что-либо лишь самому себе – своему уму и сознанию – и тем немногим, у которых есть право требовать объяснения. Я же никому и ничего доказывать не собираюсь, еще раз повторю.

Кто держит себя, тот знает перед кем ответ держать должен, – заключил успешный бизнесмен.

Болат, задумавшись, смотрел на своего старого друга. В погоне за карьерой он сам часто ограничивал себя, приходилось жертвовать многим: временем, свободой. Болат выбирал счастливое будущее, таким, как им его представляли для себя успешные коллеги. Счастливы они были в своем выборе, не ведая, куда заведет, что потеряют они по пути.

Болат в их чиновничьей системе координат оставался пока еще «братишкой» для некоторых «агашек». Чтобы стать «агашкой», многим тогда придется пожертвовать. Очень близко он видел, как успешные вельможи, дружившие многими годами, вдруг переставали общаться. Потому что внезапно один из них становился опасным для вышестоящих. И тогда же друзьям попавшего в опалу, давали знать: «выберите: друг или карьера».

Немногие выбирали свою свободу мышления и действий.

Остальные же предпочитали счастье, как оно трактовалось в их избранном круге.

От беседы и застолья друзей отвлек звонок на телефон Нурлана. Занятый поеданием шашлыка руками, потому что так вкуснее, он нажал на громкоговорящую связь.

– Нуреке, Ассаламалейкум! Можете говорить?

– Да, могу, с трех лет.

– Ха-ха-ха. Нуреке, Вы, как всегда.

– Неизменны звезды надо мной и нравственный принцип внутри меня.

– Нуреке, совет нужен.

– Слушаю тебя внимательно, Хайчик.

– Видите же, какие перемены происходят. Новый Казахстан сильной поступью идет. И кажется мне, что кадровый голод присутствует у реформаторов. Как думаете, если я на-

пишу им письмо с описанием своей биографии, с просьбой дать какой-либо проект, где я смогу быть полезен обществу, пойдет власть мне навстречу?

– Ммм. Ты в школе хорошо же учился. Третий Закон Ньютона помнишь?

– Да. На каждое физическое тело действуют две силы, равные по величине, противоположные по направлению, и действуют вдоль одной прямой.

– Вот ты и ответил на свой вопрос. Много сопротивляющихся переменам и там наверху осталось, которые будут действовать в совершенно противоположном направлении. Так что погоди еще.

– Ну Вы же меня знаете, – обидчиво донесся молодой голос в трубке, – я тоже боксер и в стороне оставаться, глотая пыль от проходящей драки, не собираюсь. Я тоже участвовать хочу.

– Немного погоди. Время нужно.

– Хорошо, Нуреке, я понял. Рахмет за совет, – чуть разочарованно расстался невидимый собеседник.

Болат, уважительно кивнув на трубку, показывая свое отношение к звонившему, спросил:

– Кто он?

– Работал раньше у меня. Молодой еще, правда. Идеалист. Но мне нравится общаться с молодежью и стариками. В любом возрасте гораздо интереснее проводить время с те-

ми, кто старше или младше тебя – только не со сверстниками. Большая масса наших ровесников уже не интересны. Они удивлены своими появившимися болячками, признаками упадка сил, разочарованиями в жизни и пытаются рассказать об этом любому собеседнику. Мне это не интересно. Подчеркну, большая масса наших ровесников. Тебя же я не имел в виду. Я заметил, как ты ловко увел тему. Не хочешь ты жаловаться и поэтому ты пьешь в одиночестве.

– А почему ты этого Хайчика остановил?

– Да, потому что именно таких, как он, идеалистов, первыми и сбивают на взлете. Обидно будет. Но он все равно по-своему поступит, так мне кажется. Знаешь, почему я так думаю?

– Почему?

– Потому что подобное притягивает подобное. Я сам человек независимый, так я считаю. И ты тоже такой, вот почему мы с тобой сегодня свободно общаемся. И он тоже имеет свою точку зрения и готов за нее биться. У нас, у тех, кого я уважаю, свои точки зрения есть, что-то внутреннее, что дает нам направление двигаться. А что еще есть, кроме своей точки зрения? Да ничего, на самом деле. Потому что все равно в итоге к этому возвращаешься – к своей точке зрения.

А насчет битвы. Еще ничего не окончено. Возможно, он еще поучаствует. Ты же видишь, что Новый Казахстан получает одну за другой «черные метки» в виде предупреждений о том, что старая элита намерена взять реванш.

- Интересно! Ну давай за молодежь! Хорошая растет.
- Давай!

Друзья выпили. Оба они понимали, что с возрастом трансформируется чувство дружбы, эмоции не так остры, угасают. Больше одиночества присутствует в жизни каждого мужчины. «Кружки по интересам» – так можно было называть мероприятия, собрания современных мужчин, когда большинство только и думали о том, чтобы поскорее покинуть вечеринку.

Эта же встреча, когда двое взрослых, битых жизнью, мужчин, обремененных своими обязанностями, открыто смотрели друг на друга, не была похожа на формальность. Каждый из этих двоих не спешил расставаться и все пытался найти ответы на свои вопросы у друга, затягивая беседу и застолье.

С сожалением расставались друзья в почти уже закрывающемся заведении.

На прощание Нурлан, слегка покачиваясь, сказал:

– Мы сами с тобой не раз в танках горели и знаем, что, когда находишься в плохих обстоятельствах, перед тобой выбор – сдаться или пытаться противостоять. Я предпочитаю противостоять, сколько возможно. Вот это и есть моя философия, ничего особенного. И ты тоже такой! Не сдавайся! Тяжело, конечно, твое состояние понимаю. Но не сдавайся! Все должно быть хорошо, Дулат найдется!

Глава 13 – Клиника

Гульзима после месячного отпуска, чувствовала себя хорошо. Отдохнувшая у моря, загоревшая, ее обошли стороной январские события.

Представленная руководством области перед коллективом, она засучив рукава, деятельно приступила к руководству центра, специализируемого на реабилитацию пациентов с нарушением психики. В первый же день обходя новенькое здание, она была приятно поражена, какие средства тратятся на восстановление нервной системы лечащихся.

В основном, пациентами были немногочисленные ветераны афганской войны, полицейские, получившие психологические травмы.

Еще в начале знакомства руководитель областного здравоохранения поделился с ней информацией, что это центр не для всех, что в психологический центр будут приезжать пациенты, друзья, которым нужно помочь в поиске смысла жизни или испытывающие проблемы с общением или с тем же алкоголем. Поэтому несколько палат всегда должны быть свободными.

Действительно, вскоре Гульзима заметила, что пациентами, в основном, являются успешные, состоявшиеся люди. Офицеры, которые располагались в немногочисленных палатах, имели большие звездочки на погонах, либо влиятельных друзей, либо покровителей. Было несколько пожилых

людей, которые ранее видели весь смысл жизни в работе, активности, а теперь ушедшие на пенсию и не умеющие отдыхать, впадшие теперь в тяжкую депрессию. Для многих старых людей самое неприятное – это потеря независимости. Многие из них уходят в себя, у них появляются суицидальные мысли. Несколько пациентов, стариков чуть за шестьдесят лет, они просто в себе замкнулись и ни с кем не общались. Просто сидели и смотрели в одну точку.

Много было достаточно успешных людей, находящихся в зрелом возрасте, которые испытывали проблемы с усталостью, пересмотром смысла жизни.

В общем, центр походил на санаторий с уклоном на реабилитацию нервной системы.

Проводя первое аппаратное совещание перед активом центра, она, как опытный руководитель, знала, что в большом коллективе, а особенно в женском, всегда есть место склокам и интригам, поэтому сразу предупредила:

– Есть несколько правил, по которым я могу безоговорочно уволить каждого из вас. Первое – алкоголизм. Если доктор будет злоупотреблять, то лучше пусть поищет работу в другом месте. Второе – конфликты на работе. Если двое конфликтуют, то оба будут уволены, а их руководитель получит строгое взыскание. Третье – конфликты с руководством. Оспаривать распоряжения начальников можно, но аргумен-

тированно, не нарушая процессов работы. Если у кого-то будет жалоба на непосредственного руководителя, то жалоба принимается в письменном виде с указанием имени, должности, но только через три дня после случившегося, когда человек остынет и без эмоционального напряжения.

Доведите эту информацию до всех в своих отделениях.

Слухи быстро доходят в одной сфере работы. Поэтому многие знали о ее сильных качествах. Узнали сотрудники и о том, что у нового главного врача есть покровители, настолько могущественные, что сам всемогущий чиновник с министерства разорвал список желающих и направил эту молодую и привлекательную женщину сюда.

Вскоре клиника пополнилась жертвами январских событий. Привозили полицейских и военных, которые по несколько дней держали оборону в зданиях департаментов полиции от вооруженных нападавших. Неся боевые потери, сами ожидая свою смерть, сходили они с ума в горящих зданиях. Обугленные лица, обугленные сердца и души.

Поступившие полицейские и военные никак не могли избавиться от чувства тревоги, нигде не чувствовали себя в безопасности. В первые минуты после поступления они запоминали все основные и запасные выходы и учили наизусть расположение окон, через которые можно быстро попасть на улицу. Они искали пути отхода и места укрытия. Всегда

взглядом искали столы, под которыми можно спрятаться от летящих камней и бутылок. Любой шум они воспринимали, как атаку. Гульзиме пришлось убрать из кабинета пестрый и яркий ковер, подаренный ей бывшими коллегами. Пациенты отделения не могли смотреть, им казалось, что на нем изображен взрыв. Пришлось уволить и специального повара, баловавших пациентов искусно приготовленным сочным шашлыком. Некоторым прибывшим, проведшим несколько дней с телами сгоревших товарищей, становилось дурно от запаха жаренного мяса.

Среди прибывших был один пациент, поступивший с диагнозом «амнезия».

Его лично откуда-то привез местный врач, специализировавшийся и писавший докторскую на эту тему. Но лечащий сам неожиданно умер в январе от разрыва сердца. Из уважения к памяти и заслугам ушедшего доктора, его пациента оставили в центре.

Диссоциативная амнезия – амнезия, при которой забываются факты из личной жизни, но сохраняется память на универсальные знания. Вот что успел записать, ушедший на тот свет, доктор.

Пока Гульзима искала профильного врача, пациент оставался предоставлен сам себе, без профессиональной помощи. Поэтому она решила сама начать работать с ним, пока

более квалифицированный специалист не подключится. И пусть опыта у нее мало, главное – это дать надежду больному. Это был основополагающий ее жизненный принцип: не быть равнодушной. Неверие в возможность менять мир страшнее лени, пьянства или наркомании. Потому что именно оно является их причиной.

Этот пациент, взрослый мужчина производил приятное впечатление своим интеллигентным лицом и приятной улыбкой. На каждого входящего он смотрел с интересом, вглядываясь в черты лица. Искательно вслушивался в каждое приветствие. В любом человеке он искал надежду, что его узнают. Иногда только, прислушиваясь к себе, осознавая, что он потерял, мучительная гримаса боли обезображивала по-своему красивое мужское лицо. Это были короткие мгновения, но слишком часто они повторялись.

Санитарки, видевшие многих больных, и привыкшие ко всем диагнозам, особенно жалели его. Потому что ко всем больным приходили, навещали родные, близкие. Этот же мужчина был лишен визитеров. Вечное, неизбывное одиночество сопровождало его.

– Так жалко его, – иногда причитали санитарки и медсестры, глядя на одинокую фигуру.

– Никого нельзя жалеть. Во-первых, жалость унижает человеческое достоинство. А во-вторых, любое чувство – это

энергия. Какую энергию отдаешь, такая и возвращается в итоге. Будешь кого-то жалеть, то, возможно, в старости все тебя будут жалеть из-за твоей болезни, немощи или еще чего-то. Не надо жалеть, а надо любить. По возможности помогать, – делилась со старшей медсестрой своим наблюдением главврач.

Для лечения больных, потерявших память, хорошо было бы использовать гипноз. Но сама Гульзима не владела этой техникой, поэтому для первого раза она решила просто побеседовать с человеком.

– Вы не против, если мы будем вести беседы под видеозапись? – задала первый вопрос врач.

– Я не против, если это поможет моему лечению, – чуть улыбнувшись, ответил больной.

– Какие-то воспоминания сохранились у Вас?

– Абсолютно никаких. Детство, юность, нынешний свой возраст. Ничего этого я не помню. У меня есть какие-то знания, но как и где я получил, я не помню. Фразы, мысли приходят в голову. Но что это: воспоминания или фантазии? На эти вопросы я не могу ответить.

– Сны?

– Если у тебя есть человек, которому можно рассказать сны, ты не имеешь права считать себя одиноким. Мне ничего не снится, – просто пожал плечами мужчина, констатируя

этот факт, ничуть не жалея себя.

– А кем Вы себя ощущаете? До того, как попали сюда. Не хочу Вам подсказывать, подталкивать Вас, чтобы Вы не ухватились за эту нить, но в какой профессии вы себя видите и в качестве кого?

– Я думал об этом. Но не могу сказать, что у меня инженерное или гуманитарное образование.

– Хорошо. А кем Вы себя ощущаете?

– Путником.

– Почему?

– Не знаю. Но чувствую, что я здесь не задержусь.

– Да, мы тоже надеемся, что Вы выздоровеете и покинете клинику.

– Я не это имел в виду.

– А что?

– Я не задержусь надолго не только у вас, но и на этом свете.

– Ну так мы все гости в этом мире.

Впервые больной посмотрел с интересом на врача. После того, как его привезли, с ним только дежурно обращались. Тот лечащий врач, который привез его, сам неожиданно покинул это мир, поэтому для больного это была первая такая беседа.

– А что Вы думаете о жизни и смерти? – продолжила за-

давать вопросы Гульзима

– Человек умирает постепенно. Разве многие события нашей жизни – это не этапы смерти? Разве жизнь не покидает нас по частям? Я потерял память. Люди живы, пока помнят о них. Я же никого не помню. И меня, скорее всего, тоже не кому помнить, раз за полгода меня не нашли. Это тоже одна из причин моего предположения, что я скоро уйду.

– А что можете сказать о ситуации, в которой Вы оказались? О месте, в котором вы оказались.

– Это место – тюрьма для меня, того, кем я себя ощущаю. Когда ты находишься в заключении, то жаждешь бегства – если не тела, то хотя бы ума. А я даже в мыслях не могу никуда убежать: ни в прошлое, ни в фантазии.

Тягостное безмолвие проникло в кабинет главврача.

– А что Вы можете сказать о вещи, которая была найдена при вас?

– А, это. Не знаю, – достал мягкую игрушку из кармана больной. Рассматривая ее в сотый раз, прислушивался к себе. Но безмолвный был маленький плюшевый тигренок. Рассматривая его со всех сторон, ничего не шевельнулось внутри, потерявшего память, человека.

Глава 14 – Разбитые мечты

Болат, после месяца отпуска решил не возвращаться на работу. Этим поступком он сильно удивил все окружение, включая коллег, друзей. Шеф, крайне озадачился таким решением Болата, но выслушав долгий монолог и открыв его для себя уже с другой стороны, скрепя сердцем, отпустил такого хорошего сотрудника и отличного человека.

Болат все время ожидал новостей. Везде его уже раздраженно встречали, а где-то попросту избегали, зная, что теперь он уже не влиятельный чиновник и от которого не дождешься ответной помощи.

От всего этого он часто прикладывался к бутылке.

Болат, спивающийся, без какой-либо деятельности, в мыслях часто возвращался к своему прошлому. Оглядываясь назад, он понимал, что до январских событий был абсолютно счастлив. Счастье пока оно есть, его не замечаешь. Все было у него: счастливые дети, довольная жена, дом полная чаша, уважение в обществе, карьера, отсутствие болезни и немощи у родных и близких.

Начитанный и образованный, он с детства привык сравнивать себя с героями книг. Неожиданная мысль теперь приходила к нему в бессонные пьяные ночи. Во всех сказках, именно вовремя празднования радостных событий, таких, как: свадьбы, рождение ребенка, приходят злые силы и тогда герою приходится бороться за свое счастье. Не удивительно, что ведьмы приходят к Макбету в момент наивысшего три-

умфа его жизни.

В жизни Болата, когда несчастье пришло в их дом и отняло покой, бороться теперь ему приходилось только с собой, со злом внутри себя.

Что делают обычно мужчины, когда привычный для них мир рушится? Как улитки закрываются в своих раковинах, безразмерно употребляют алкоголь. Жизнь, как она нам дана, слишком тяжела для нас, она нам приносит слишком много боли, разочарований, неразрешимых проблем. Для того чтобы вынести такую жизнь, невозможно обойтись без средств, дающих облегчение.

Закрывшись в пустом помещении и отключив все коммуникации, он возвращался в прошлое и задавал себе вопросы. Обвиняя себя, мужчина глубоко страдал и искал ответы на дне стакана. Коньяк – напиток одиноких и ранимых, не успевших обрасти броней.

В горячке мучительных дней ему спасительно приходили оправдания, что он не одинок в предательстве. Что в природе мерзкая гусеница со временем становится прелестной бабочкой, а вот у мужчин с возрастом наоборот: из прелестной бабочки выходит мерзкая гусеница.

В пьяном угаре к нему приходила мысль: единственное место, где Бог точно существует, – это человеческий разум. Там он расположился во всем своем величии и ужасе. Чи-

стилице будет наполнено зеркалами.

Болат, часто приходивший пьяный, закатывал скандалы. Мужа и отца практически перестали видеть трезвым жена и дети. Поздно ночью он приходил, вечерами пропадая в любимом заведении.

Человеческое сознание так устроено, что оно перебрашивает недовольство на безопасный, беззащитный предмет. Вначале Болат начал выказывать недовольство стряпней Ботагоз, потом уже переключился на нее саму. Все больше и больше обвинений выдвигал ей пьяный муж. Дошло и до тщательно замалчивающегося, но явного отсутствия любви со стороны Ботагоз к его матери и братишке.

Ботагоз, не желавшая уступать, промолчать, там где нужно было, вступала в словесные перепалки. Брак – это единственное и добровольное заключение, из которого тебя выпустят за плохое поведение. Не желавший, чтобы дети были свидетелями скандалов между родителями, внезапно обнаружившегося отчуждения между мужем и женой, Болат собрал вещи и переехал к матери.

Четырехлетняя Марьям обнимала ноги отца и плакала, не выговаривая до сих пор несколько букв и коверкая слова:
– Папа, не уходи, оставайся, мы тебе сейчас вкусный бешбармак приготовим.

Семейные сцены не забываются, и испорченное впечатление прилипает ко всем участвующим и наблюдающим навсегда.

Дети тащат на себе мать, потому что старая мать хочет в монастырь, а дороги там нет. Как мог нес Болат свой сыновний долг. Только часть обязанностей он раздал другим, перенес на других. Нанял сиделку, чтобы в часы его отсутствия кто-то был рядом с мамой. Несколько раз в неделю он забирал детей, чтобы бабушка могла видеть своих внуков.

Но внуки теперь с неохотой ездили в некогда веселый бабушкин домик.

Отец теперь часто лежал на диване, опохмеляющийся или просто спящий. Бабушка, только недавно вкусно пахнущая пирожками, и еще чем-то, как могут пахнуть только довольные пожилые женщины с покрытыми на седые головы белыми платками, теперь же редко вставала с кровати. От нее сильно несло лекарствами, старостью и болезнями.

Болат в детстве испытывая нужду, привык экономить, откладывать деньги. Имея свои тайники, в которых лежали большие суммы, полученные от благодарных бизнесменов, он теперь тратился, не думая. Покупал дорогие подарки детям, баловал безразличную к этому маму покупками. Для себя же он только тратил только на походы в питейные заве-

дения.

Не думая о будущем, он просто сидел за своим любимым столиком. От него веяло одиночеством, трагическим одиночеством деятельных людей, которых преждевременно отстраняют от деятельности: боксера, вынужденного проститься с рингом, писателя, внесенного в черные списки всех издательств.

Благодарные официанты, получавшие щедрые чаевые, с заботой относились к постоянному клиенту. Не видя за ним пьяных драк и скандалов, каждый вечер они наблюдали за ним и как только замечали, что мужчину клонит ко сну, заказывали такси, чтобы отвез уставшего домой.

В один из вечеров Болат, уже опустошивший граммов триста коньяка, сидел, опустив взгляд в почти нетронутую тарелку с закуской.

Краем глаза он заметил, что к нему подошел мужчина и довольно долго стоит уже перед ним, не отходя. Подняв лицо, он увидел Нурлана, который озабоченно смотрел на него. Болат попытался безуспешно встать, но сила притяжения не давала сделать ему это.

– Болат, что с тобой стало!?

– Я стал уродом, изувеченным, и внешне, и внутренне.

– Болат, разве это ты!?

– Это я, я прожил жизнь. Я стал старше, я постарел от всей этой мудрости, которая была мне не нужна.

– Поехали, я отвезу тебя домой.

Нурлан с трудом попытался поставить на ноги все время качающегося друга.

– Не то чтобы я прямо не верю в гравитацию. Просто в последнее время ощущение, что меня не столько притягивает к земле, сколько пригибает, – пьяно, глумясь надо собой, объяснял Болат.

Нурлан, зная от многочисленных знакомых, что Болат ушел от семьи и проживает теперь у матери, указал адрес водителю. В детстве Нурлан после тренировки или после школы часто бывал у них, поэтому он знал маршрут и расположение дома.

Мухлиса, накаченная успокоительными, во сне тихонько стонала, поскуливая, как маленький щенок. Душевная боль, непроходящая и мучительная, преследовала ее теперь всегда и везде. Прошло уже несколько месяцев с пропажи младшего сыночка, и надежды все мало и мало оставалось. Тоска, отчаяние захватили ее душу и не было больше желания дальше жить. Не найдя Дулата в этом мире, она надеялась, что

встретит его в другом, там.

Только мысль о Болате и его семье, не давала ей покоя. Как же они справятся без меня? Но те, кто остаются, потом как-то справляются. Таковы законы природы. Казахи говорят: «Такова жизнь».

Сыновья очень часто пытаются воплотить в жизнь несбыточные мечты своих матерей. Она видела стремление детей стать успешными. И нескрываемая гордость за обоих сопровождала ее, когда они всей большой семьей выходили в свет.

Неся на себе пьяного и уснувшего Болат, Нурлан просто толкнул незапертую калитку. Войдя в темный дом, он попытался на ощупь пройти прямо, не произвольно поднимая шум. Мухлиса, проснувшись от грохота, слепо вглядывалась в силуэты двоих мужчин в прихожей, едва освещаемого от света, всегда теперь включенного в гостиную. В пьяном, отдыхающем на плече путника она сразу узнала Болат, во втором...

Неведомая сила толкнула старенькую женщину навстречу. В темной комнате мать с криком обняла двоих мужчин.

– Дети!!! Дулат! Болат, ты вернул его!

Покрывая в темноте лицо Нурлана поцелуями, мокрыми от слез, старуха все шептала и шептала: «Дулат, ты вернулся, айналайын».

Вдруг отшатнувшись от постороннего запаха, от чужой энергии, она включила свет в прихожей. Прижав руки к губам, она щурилась, вглядываясь в мужчину, который растерянно смотрел на нее. А внизу на полу сидел Болат и обняв колени, как когда-то в детстве, опустив голову, беззвучно плакал.

Глава 15 – Снова клиника

Пациентки обычно прямо говорят: у меня унылое настроение, мне скучно, неинтересно, грустно. А вот пациенты молчат, не делятся, а вытесняют негатив. Ударяются в азартные игры, употребляют наркотики, алкоголь, увлекаются опасными гонками. Так они пытаются снять депрессивное состояние с помощью мощной стрессовой нагрузки на организм. При этом нередко круг замыкается.

Часто стали поступать мужчины с синдромами алкоголиков. Успешные в своей деятельности, люди для снятия стресса в конце рабочего дня, не замечая, как это превращается в пагубную привычку, употребляли регулярно спиртные напитки.

Как маленькие дети, не ограничивая себя, они не следили

за дозой, не умея остановиться. А ведь все должно быть в меру. Любое вещество может быть и лекарством, может стать и отравой, если не соблюдать ограничения. Гульзима, соблюдающая правило: «принимай пищу, как лекарство, чтобы потом не пришлось принимать лекарство, как пищу», не понимала мужчин, сильных снаружи, но не умеющих держать под контролем свои внутренние потребности, соблюдать чувство меры.

Таких мужчин привозили их жены. Похожие друг на друга истории она выслушивала от плачущих красивых женщин.

Обмыл успешную сделку и ушел в запой. На своей должности приходится встречаться с людьми, начал пить и ушел в запой. Бойся на своей должности попасть в переплет, поэтому снимает стресс и ушел в запой.

Пациента, которого сегодня привезли, отличало от других, что его привез друг. Но вместе с алкоголиком была и его мать, которая сама нуждалась в психологической помощи. Оба были истощены внутренней болью. Только мужчина старался убежать с помощью алкоголя, а его мать не могла справиться.

Приятным сюрпризом было, что обоих привез добрый знакомый, Нурлан.

В ежедневной суете, рабочих дней ей было приятно увидеть знакомое лицо из прошлого. Память – как крутящая карусель. Гульзима с улыбкой вспоминала свое предыдущее

место работы, своих коллег, ставших для нее близкими.

Нурлан, как всегда, внимательный и помнящий об отсутствии у Гульзимы меркантильности, принес цветы и еще одного божка, нэцкэ.

– Как супруга, Нурлан?

– Благодаря Вам, Гульзима, замечательно.

Уважая его просьбу, помочь другу справиться с алкоголем, а матери друга дать хоть какое-то душевное равновесие, она выделила лучшую зарезервированную палату для обоих.

Зная, что алкоголикам нельзя давать снисхождения, Гульзима строго приступила к первой беседе. На пьяницу противно смотреть, его неприятно слушать, его жалость к себе ничтожна. Уставшее, одутловатое лицо кого-то ей напоминало, кого она не могла вспомнить. А впрочем, все алкоголики в стадии запоя похожи друг на друга.

– Болат, понимаете, почему Вы здесь?

– Я снимаю напряжение.

– Это ведь не значит, что Вы пьете?

– Нет, разговариваю с прошлым, глотая слезы.

В ходе череды сеансов первоначальные выводы были сделаны. С одной стороны, безымянный пациент, которому да-

ли прозвище «тигренок», искал того, кто его узнает. А с другой стороны, он смирился и более того, мысль поселилась в нем, что он должен умереть. Психи внутренне правы и в этом их трудно разуверить.

После окончания первого сеанса Гульзима сделала скриншоты с видеозаписи. И отправила их в местное управление полиции. Затем такие же снимки отправила на областное телевидение, чтобы опубликовали в какой-либо из передач. Вдруг объявятся знакомые, близкие? Но проходило уже несколько месяцев, а результатов не было. Региональная полиция и вся область не признали этого человека.

Постепенно центр освобождался от жертв январских событий, полицейские и военных возвращались по своим домам, большинство к прежним местам службы. Только потерявший память одиноко бродил по летним аллеям центра.

Продолжая сеансы психотерапии, Гульзима задавала вопросы, пытаясь отговорить пациента от негативных поступков.

– Подумайте о душе. Самоубийство – это грех. Каким Вы предстанете перед Богом?

– Перед Богом все одиноки, – просто отвечал ей пациент.

– А как же обязанность по отношению к Богу – быть счастливым?

– Ты рождаешься в боли, и большую часть времени проводишь в боли. И чем больше боли – тем больше ты ищешь

Бога и дороги к Нему.

Она никогда не видела человека, шедшего на смерть с таким спокойствием и смирением. Он был вполне готов к смерти и не нуждался в молитвах.

Раскрываясь с каждым сеансом, мужчина поразил Гульзиму своим кругозором. Впервые она встретила такого умного человека. «Счастлива женщина с таким мужчиной», – думала врач, глядя на пациента.

А то, что он может быть не одинок, она догадывалась. В первую очередь, детская игрушка, плюшевый тигренок. Такой обычно бывает у детей или молодых женщин. Ему его подарили. А во-вторых, образованный, умный и привлекательный мужчина не может находиться в одиночестве.

– Почему Вы ощущаете, что Вы путник? – на одном из многочисленных сеансах задала вопрос Гульзима.

– У меня в голове постоянно крутится фраза, что люди поколение за поколением пересказывают всего лишь две истории: о сбившемся с пути корабле, кружащем по Средиземноморью в поисках долгожданного острова, и о Боге, распятом на Голгофе.

Где мой остров, который я ищу и есть ли он вообще? За какие такие грехи я несу крест? Вот по этим вопросам к себе сужу о себе, что я путник.

«Неужели он ощущает себя Иисусом Христом, который вечный укор для близких?» – обеспокоенно подумала Гульзима.

Но он не похож на душевнобольного. Ему нужна поддержка.

Добрый человек – это тот, кто наделен достаточной силой воображения, чтобы представить себе, каково приходится другому. Поэтому врач представила себе: каково это подняться до сильного возраста и потерять все, пройти жизненный путь с детства до зрелости и не помнить об этом? Каково это жить без воспоминаний, без выстраивания планов, без прошлого, без мечты? Без родных и близких.

Содрогнулась Гульзима, отгоняя от себя такие мысли и ужасаясь состоянию «тигретка».

На такой работе нельзя глубоко вживаться в чужие несчастья. У медика, как и у полицейского, должен работать свой предохранитель. Щелк! И кошмары отключаются. Хотя бы на время. Иначе сам станешь клиентом, пациентом.

Но все более и более погружаясь в боль «тигретка», сеанс за сеансом, проводя каждый день с ним, незаметно для себя Гульзима влюбилась в него. В этого потерянного, одинокого и такого умного мужчины.

Женщина из высшего общества сексуальна по своей природе. Буржуазные женщины более эротичны, чем стоящие на

других ступеньках общества. Гульзима знала, что нравится многим. Но требования и ограничения, в первую очередь, собственные, внутренние, не давали родиться ячейке общества или союзу любовников. Порядочность она ставила на первое место.

Разжечь одинокий камин любви тихими летними вечерами – не каждому дается такое счастье. И пусть это безответная любовь, но любовь в первую очередь согревает любящего.

Глава 16 – Короткая, как счастье

В тот вечер, когда привезли мать с сыном на лечение, Гульзима не торопилась домой, потому что подольше хотелось оставаться в стенах рядом с ним, своим избранником, и пусть он был таковым только в ее фантазиях.

Даже дома, находясь одна, она думала о том, каким он был до того, как попал к ним. Чем занимался, какое любимое кушанье он предпочитал, как проводил досуг? Мысли о том, что у него была любимая женщина, она гнала прочь. «Тигренок» – мысленно она так и продолжала его называть. Хотя иногда придумывала ему мужественные и умные имена, которые бы его характеризовали. Но ни одно не подходило.

Мать с сыном разместились в отдельно выделенной ком-

нате. Смена обстановки никак не повлияла на них. Горе осталось замершим и перенеслось из домика на окраине Алматы в палату лечебного центра.

Болат, успевший спрятать чекушку коньяка, да еще и накативший сто граммов перед тем, как Нурлан приехал и забрал обоих, собирался выйти во двор и там неспеша и смакуя, выпить ее.

Перед выходом домой, Гульзима по сложившейся привычке обходила отделения с палатами, прощаясь до завтра с коллективом и больными. Эту привычку она завела недавно. Так ей удобно было часто заходить к «тигренку», не вызывая подозрений. Но все знающие и все подмечающие санитарки и медсестры видели какие изменения происходят с главврачом. До этого всегда строгая, застегнутая на все пуговицы, теперь же она расцветала, когда подходила к палате «тигренка».

– Что Вы вспомнили? Какие фразы приходили к Вам за день? – доброжелательно оглядывая сидящую, как всегда у окна, фигуру, спросила Гульзима.

– Я понял, что одно из самых мудрых правил жизни: относиться к происходящему с простым смирением. Не пассивным унынием, а смирением: «Значит, так надо», – просто ответил пациент.

– Откуда она, с чем связана? Можете проанализировать?

– Всему свое время. Узнаете.

– Тогда, до свидания, «тигренок».

– Прощайте, милый доктор, – с некоторым опозданием и раздумьем ответил больной.

Вскинув брови, озадаченная таким прощанием, Гульзима попыталась что-то еще спросить, но слово: «милый...» впервые произнесенное им в ее адрес, заставило ее резко развернуться на сто восемьдесят градусов и выйти. Чтобы он не увидел враз ее покрасневших щек и бессмысленной улыбки.

Легко паря к выходу, она заметила поступившего сегодня алкоголика, который прячась за деревом, по глотку пил из маленькой бутылки, растягивая удовольствие. С неудовольствием он оглядывал оставшееся на дне, наверняка раздумывая, где бы добыть еще.

Ой, как бы влетело ему всего лишь пару месяцев назад. Но сегодня Гульзима, счастливая только что услышанным, просто решила обойтись профилактической и как можно более тактичной беседой.

– Попался, старый алкоголик, – то ли шутя, то ли всерьез, хлопнув в ладоши произнесла, главврач.

– Я не старый, – чуть вздрогнув, развернулся Болат.

– Мы же Вас предупреждали о запретах в этом центре.

– Да, предупреждали. Виноват, каюсь. Наказывайте, –

смирненно ответил.

– Наказывать не буду на первый раз. Но пообещайте, что не будете больше.

– Вы верите алкоголикам? – недоуменно спросил мужчина.

– Верить всегда нужно.

– Из Вас хорошая жена получилась бы. Это не комплимент, это констатация факта.

– Спасибо, – второй раз за день зардевшая от счастья, произнесла смущенная Гульзима.

– Ну так Вы мне не ответили. Обещаете? – продолжила главврач.

– Обещаю больше не нарушать режим и пройти полный курс лечения, соблюдая все ограничения и требования, – клятвенно пообещал больной алкоголизмом.

– Вы прям, как в поход или на задание собрались, так поклялись.

– Благополучно проделывать путь – важнее, чем прибыть в пункт назначения. Не имеет значения: путь лечения это, карьерный путь или жизненный путь.

Главврач хотела продолжить разговор, но к ней бежала пожилая санитарка, махая руками. Тяжело дыша, она на ходу произнесла: «Тигренок». Гульзима, резко рванула обратно к зданию. Болат, чуть подумав, увязался за ними.

– Что с ним? – на ходу задавала вопросы главврач.

– Как Вы ушли, я зашла дать лекарство перед сном. Смотрю, он лежит. Обычно сидит, ждет меня. А тут лежит, глаза больные. Я руку потрогала, а она холодная. Хотела давление померить, а он только покачал мне, как бы показывая, что ничего не хочет, – не успевала за главврачом старая медсестра.

– Значит так надо, говоришь, – не осознавая, что произнесла это вслух, вспомнила она слова «тигренок».

– Молитву надо прочитать. Я Вам это точно говорю. Я многое видела в жизни. Позовите муллу поскорее. Молитва поможет.

– Где найти муллу? До города сколько ехать надо? Кто-нибудь умеет читать молитвы? – оглядывая территорию, взволнованно тараторила главврач.

– Я умею читать молитвы, – вызвался Болат.

С недоумением оглядывая потрепанное лицо мужчины, Гульзима болезненно кивнула, принимая его помощь. Как тонущий, она готова была сейчас схватиться за любую соломинку

– Еще моя мама умеет читать молитвы, – продолжил мужчина, правильно прочитав сомнения на лице главврача.

– Бегом за мамой, – приказала Гульзима, а сама уже мчалась к дверям.

– Вот времена настали. Раньше молитвы читали муллы, а сейчас алкоголики и больные, – покачала головой отставшая старшая медсестра.

Когда Болат с мамой вошли в палату, сопровождаемые медсестрой, то увидели, как главврач ладонями бьет по щекам неподвижного мужчину, лежавшего на кровати и никак не сопротивляющегося.

– Не смей! – зло кричала она, размахиваясь для ударов. – Не смей уходить!

Настороженно вглядываясь в спокойное лицо лежащего мужчины, на вдруг ставших непослушными ногах, еле перебирая ими, мать с сыном осторожно подходили к кровати. На последнем метре оба с криком: «Дулат!» бросились к лежащему. Гульзима ошеломляюще смотрела, как двое больных: пожилая женщина и ее сын осыпают поцелуями лицо, руки лежащего, гладят его, стараются приподнять с кровати.

Дулат ползком еле преодолел несколько метров до дороги. Утопая в снегу, не видя впереди ничего перед собой в темной степи, с залитыми кровью глазами, он засунул руки в карман, чтобы отогреть замерзшие пальцы. Вытащив из правого кармана теплую игрушку, радостно улыбающемуся ему

в сумерках, он перед тем, как потерять сознание, тяжело дыша, прошептал: «Спасибо, Марьям»!

Глава 17 – Ожившее безмолвие

– Не понимаю я папку, – капризно проговаривала Марьям, вступавшая в переходной возраст.

– В чем не понимаешь, доченька? – Ботагоз, сохранившая прежнюю красоту, сама любовалась, как дочка становится девушкой.

Кружась по большому дому, Марьям танцевала, громко подпевая песне. Это было молодое и звонкое счастье.

– Папа и так помогает всем, детским домам, в фонды всякие деньги направляет. Зачем ему еще сторожем в доме малютки ходить, листья подметать?

– Ну нравится папе. У каждого мужчины должно быть место, куда он ходит. У кого-то это покер с друзьями по пятницам, у кого-то баня по субботам. А у твоего папы – это дом малютки, – с гордостью и любовью, довольная мужем, производила красивая женщина, вступившая в цветущий возраст.

– Ну мог бы с нами эти часы проводить. Папа целыми днями на своем бизнесе, а еще там помогает.

– Подрастешь, доченька, я все тебе расскажу. Раскрою все секреты, – целуя и обнимая, счастливая женщина неожидан-

но прослезилась.

– Да и расскажи обязательно, почему папа, когда туда уходит, всегда тщательно моет руки и шею? Он же там метлу держит.

– Обязательно, Марьям. Всему свое время.

Опрятный, всегда чистый, седовласый мужчина вошел в комнату, наполненную звуками. Это было его новшество. В светлом и просторном помещении звучали, сменяя друг друга классическая музыка, шум природы, голоса женщин, поющих колыбельные на разных языках.

Подойдя к ряду шумящих от плача кроваток, он взял одного малыша на руки и стал бережно его качать. Разговаривая с ним, он низко склонял голову к ребенку. Тот постепенно затихая и прекращая плакать, что-то пытался рассказать на своем языке, жалуясь взрослому дяде на свою уже нелегкую жизнь. Вскоре малыш сладко посапывал на теплых руках крепкого мужчины.

Через час мужчина вошел в комнату, у двери которой, не разбираясь во времени, не зная часов, но чувствуя его приход, ждали дети. У таких детей интуиция сильно развита. Поэтому как только он вошел, несколько детишек с криками окружила его. Один самый бойкий, не боясь, первым запрыгнул к нему на шею и не торопился слезать. Радуюсь своей победе над остальными детьми, он заливисто смеялся и все время приближал свои большие глаза к лицу смеющегося муж-

чины.

– Что же ты так близко уставился на меня, малыш?

– Я хочу запомнить твое лицо, дядя Болат, чтобы встретив тебя на небесах, я смог узнать тебя и еще раз поблагодарить.

Эпилог

... Задумчивые мужчины вышли из кинотеатра. Притихшие, они искали похожие моменты из своей жизни и персонажей, размышляли над открывшимися тайнами, которые двигали выбором героев.

Прикурив от одной зажигалки, оба молча курили, иногда бросая друг на друга искоса взгляды.

– Дулат, что хотел сказать режиссер этим фильмом? – после глубокой затяжки спросил Болат.

– А сам как думаешь?

– Слушай, я там себя увидел, так мне показалось. А ты что увидел? Что тебе дало это кино?

– Дай мне пару минут собраться с мыслями, сейчас расскажу по дороге, – выбрасывая окурок, произнес Дулат.

Путники молча неспешно побрели по узкой дороге, вымощенной древними булыжниками.

– Ну скажи, Дулат, не томи.

– Нас проводят через покаяние. Это история о маяках для заблудившихся во мраке и пучине времени. О потерях и обретениях. О боли и искуплении. О мучительности выбора и последующем чувстве вины. Нас возвращают в собственное прошлое, ради возможности еще раз увидеть своих любимых. Сказать им: «простите и прощайте». А затем шагнуть в чистилище, дабы после него обрести вымученную свободу.

КОНЕЦ